

Конан
и Тайна
Песков

КОНАН
И ТАЙНА
ПЕСКОВ

Annotation

В пустыне Конан спасает жизнь лорду Риго. В свою очередь лорд просит варвара помочь ему отыскать «Жемчужину пустыни» — черную жемчужину размером с кулак. Конан соглашается видя шанс поживиться, однако не только они желают заполучить жемчужину...

«Северо-Запад Пресс», «ACT», 2004, том 96 «Конан и Тайна песков»
Дуглас Брайан. Тайна песков (повесть), стр. 59-136

- [Дуглас Брайан](#)

◦

Дуглас Брайан

Тайна песков

Кобра смотрела человеку в глаза. В ней было больше девяти локтей длины. Ее огромный раздутый капюшон заслонял солнце, пока оно не поднялось выше. Но теперь жаркие лучи причиняли человеку невообразимое страдание, настолько сильное, что даже страх перед змеей начинал отступать.

Человек сидел, прислонившись спиной к стенке колодца. Утром она была холодной и влажной от росы, а сейчас уже раскалилась и гудела от зноя.

У человека затекли ноги, ныла поясница, обожженная кожа натягивалась на скулах, в голове пульсировала боль. Но самое страшное происходило с глазами — солнце постепенно выжигало их.

Кобра медленно раскачивалась. Иногда ее голова оказывалась так близко, что человек ощущал движение воздуха, производимое раздвоенным языком.

«Еще немного, и я пошевелюсь, — подумал человек. — И будь что будет. Змеиный яд убьет меня быстрее, чем солнце».

Он не осознавал, сколько уже прошло времени, чувствовал только, что солнце поднимается выше и выше, — лучи становились отвеснее и горячее. Человек закрыл глаза и закричал бы от боли, если б у него оставались силы на крик. Кобра уловила движение век и громко зашипела.

«Сейчас...» — пронеслось у человека в голове.

Сквозь вспыхнувшие ослепительные круги он, даже закрыв глаза, видел перед собою змеиную чешую, отливающую металлом, зловещие вертикальные зрачки и волнистую поверхность песка до самого горизонта. Потом все сделалось белым, и в белизне, кружась и сталкиваясь, стали падать снежинки.

Откуда-то из самой гущи бурана возникла тень причудливых очертаний. Тень надвинулась на человека — ее отбрасывал всадник вместе с лошадью. У всадника были синие, ледяные глаза.

«Я умираю», — подумал человек, и в этот миг все погасло вокруг него.

Однако спустя некоторое время он пришел в себя. Лицо его оказалось сплошь залеплено чем-то клейким, и от этого было трудно дышать. Кроме

того, он замерз. Рядом кто-то дышал, громко и с легким усилием, будто во сне.

— Где я? — спросил человек.

Дыхание пресеклось, затем послышалось сдавленное ворчание. Невидимый пошевелился и не спеша ответил:

— В пустыне.

— Сейчас ночь?

— День.

— А почему так холодно? — продолжал спрашивать человек, при этом выразительно клацнув зубами.

— Ты перегрелся, и тебя лихорадит.

«Знакомый голос и знакомая манера говорить», — отметил про себя человек, а вслух произнес:

— Что с моими глазами? Я потерял зрение?

— Узнаем, когда снимем примочку, — ответил невидимый. Теперь в его интонациях чувствовалось раздражение.

— А когда можно будет ее снять?

— Не знаю, я не врач.

Человек вздохнул и ощупал руками свое лицо. На нем лежала какая-то тряпица, пропитанная густой, вязкой массой — сверху она уже подсохла и была жесткая, как корка.

— Что это? — спросил он.

— Змеиная кровь, — ответил неизвестный. Человек сорвал тряпицу с лица и отбросил ее прочь. Свет ударили его по глазам, и он заплакал.

— Значит, ты не ослеп, — произнес синеглазый.

Они находились в небольшом оазисе. Прямо над их головами цвела акация. Странно было видеть это и знать — вокруг на много дней пути только песок и больше ничего.

— Я — лорд Риго из Бритунии, — назвался человек, шевеля пересохшими губами.

— Я помню тебя, — отвечал синеглазый.

— Мы встречались раньше?

— Двенадцать дней назад ты не захотел нанять меня в проводники до Шахризабса. Ты сказал, что проводник-северянин ни на что не годится в песках, и взял Керима. Керим завел тебя сюда, отнял твоего верблюда, твои деньги и твое оружие. А тебя бросил. Я правильно говорю?

Лорд Риго застонал от бессильной ярости.

— Грязный мерзавец, — пробормотал он, — пусть только попадется мне...

Синеглазый северянин лег на спину и заложил руки за голову. Руки взбухнули мышцами и стали похожи на двух удавов, проглотивший каждый по паре кроликов.

Неподалеку снятая змеиная кожа сохла, переброшенная через горизонтальную ветку. Внизу под ней вялилось сырое мясо, нарезанное узкими полосами.

— Это змеиное мясо? — уточнил Риго дрогнувшим голосом.

— Да, — ответил синеглазый.

— Я не буду есть это, — сказал Риго. Синеглазый равнодушно глянул на него и ответил:

— Не ешь.

Страдая от озноба и ощущая страшную тяжесть во всем теле, лорд Риго сел. Между ним и синеглазым на земле лежала фляга. Риго протянул к ней руку. Северянин наблюдал за этим молча. Тогда Риго взял флягу, открыл ее и сделал два глубоких глотка.

Это было что-то очень крепкое, настоящее на травах и кореньях. Несчастный бритуниец замычал от неожиданности, поперхнулся и долго не мог сделать вдох. Однако лихорадить его перестало почти сразу.

— Славная штука, — бросил Риго с деланным спокойствием. — Благодарю.

Северянин прикрыл глаза.

— В Замбуле ты назывался Конаном, — припомнил Риго. — Не хочешь ли ты по-прежнему наняться в проводники, Конан-северянин?

— Не хочу, — отозвался синеглазый.

— Почему?

— У тебя нет денег. А у меня деньги появились, и работа мне пока не нужна.

С этими словами северянин снял с пояса увесистый кошелек, расшитый бисером, и потряс им в воздухе. Риго выпучил глаза.

— Подожди... Это же мой кошелек! Я узнаю его!

— Он был твоим, пока Керим не отнял его у тебя. А теперь он мой, — сказал Конан спокойно и уверенно.

Поразмыслив, лорд Риго решил согласиться с ним. К тому же, очевидно, негодяя Керима постигла незавидная участь, и бритуниец от души этому порадовался.

Он был неудачником с самого рождения, потому что появился на свет с опозданием в полчаса. Брат-близнец опередил его, похитив из-под носа титул и землю.

После череды мелких неудач, которая продолжалась девятнадцать лет,

Риго, лорд-без-земли, сел на корабль, оплывающий из Мессантии на поиски новых стран, которые можно захватить и разграбить. Корабль этот битком был набит неудачниками, изгоями, а то и просто остолопами всех мастей и видов. На второй день плавания кто-то из них, шутки ради, вымазал салом веревку, поддерживающую подвесную койку Риго. Привлеченная запахом, корабельная крыса пробралась по балке и перегрызла тросик. Риго упал и сломал спину.

К счастью, все произошло недалеко от берега, в водах Зингары, иначе калеку просто выбросили бы за борт. Но долгих десять лет Риго не считал это везением. Десять лет он лежал на худом тюфяке в доме признания, в Кордаве.

Один, в чужой стране, да еще и калека!

Обитатели дома признания должны были заниматься попрошайничеством, чтобы окупить скверную похлебку, тюфяк и крышу над головой. Тех, кто не мог ходить, выносили на паперть соседи-товарищи. На ломаном зингарском наречии лорд Риго рассказывал прохожим о своих неудачах. Многих это забавляло, и подавали ему щедро. На скопившиеся излишки бритуниец покупал порошок черного лотоса. Сознание его потихоньку гасло, как гаснет свеча, заплывшая воском.

Но однажды на заплеванной паперти возле вечно гудящего торжища Риго сделался обладателем драгоценной тайны. Она была грандиозна

— ради нее стоило жить дальше. Лорд-без-земли воспрянул духом. Ему предстояло вновь научиться ходить. Это оказалось нелегко.

Восемнадцать часов в день калека напрягал мышцы, превратившиеся в дряблые веревочки. Отказавшись от зелья, он нанимал за грошовую плату престарелую шлюху, которая делала ему массаж. Руки у нее были жесткие и сильные. Полтора года Риго насиливал свое расслабленное тело, и однажды оно подчинилось.

Ближайший его сосед, Багер-бесноватый, выдававший себя за пророка, наблюдал за ним с изумлением.

— Что ты делаешь, глупый? — спросил он однажды. — Сам у себя отбираешь дармовой кусок хлеба. Когда ты начнешь ходить, тебе придется работать.

— Но сначала ты меня исцелишь, — подмигнул ему Риго.

Через два дня, все на том же торжище, произошло чудо. Багер-пророк на глазах у прохожего люда весьма убедительно изобразил припадок. Он бегал вокруг лежащего Риго, бешено жестикулировал, скулил и закатывал глаза. Набегавшись вволю, Багер яростно потряс кулаком и трижды плюнул калеке на ноги. Риго медленно поднялся. Восторгу толпы не было

пределов. Денег им накидали столько, что деревянный ящичек не выдержал тяжести монет — у него отвалилось дно.

На свою долю Риго приоделся, сходил в хорошую баню, посмотрел, как пляшет смуглая танцовщица в одних только шальварах. Потом он нанялся работником в богатый загородный дом. Его хозяин-шемит платил скучо, но не выносил вида голодных людей. Риго работал за четверых, радуясь новым возможностям своего тела, и ел за семерых, чтобы укрепить его.

— Горе мне и моему дому! — воскликнул хозяин-шемит, когда Риго объявил ему, что уходит. — Разве тебя обижали? Разве ты плохо кушал? Оставайся, сегодня у нас на ужин рыба и овощи с уксусом и медом.

— У меня есть тайна, — отвечал Риго.

— Разве какая-то тайна стоит фаршированной рыбы?

Риго расхохотался, подхватил свой мешок и выбежал из дома.

Из-за травмы бритунец сделался ниже ростом, но теперь его торс поддерживал корсет из крепких мышц. Ноги стали выносливыми и легкими. Риго больше не был похож на неудачника и всегда отмечал это, когда ему на глаза попадалось зеркало. Другие люди тоже относились к нему иначе, чем прежде, — чувствовали в нем твердость. «Шахризабс» — волшебное слово, оно звучало в душе лорда-без-земли, обозначая приключение, сокровище, победу.

Риго не спешил, он приближался к цели постепенно, нанимаясь на работу то тут, то там. Владеть оружием он толком не научился, зато стал прекрасным наездником, освоил четыре языка, приспособился читать карты и определять стороны света по звездам. А тайна оставалась при нем — она лежала в футляре, свернутая в трубочку, а футляр висел на шее, на узеньком шнурке.

Но несчастливая судьба и не думала огпускать Риго из-под своей власти — она только затаилась, чтобы дать жертве время передохнуть.

Когда до вожделенного Шахризабса оставался один десятидневный переход, злая звезда указала грабителю Кериму на одинокого путника, ищущего проводника. К тому времени Риго скопил деньжат, обзавелся нарядом турецкого караван-бashi, а еще в нем простило странное и нелепое высокомерие, которое любой бритунец всасывает с молоком матери. Упустить такую добычу значило прогневать богов, покровительствующих преступникам, а Керим этих богов весьма чтил.

Он не стал убивать чужака, а только обобрал до нитки. Футляр с тайной тоже перекочевал к нему. Правда, Керим не взял на себя труд выяснить, что это такое. Посмеиваясь, разбойник указал направление к

ближайшему колодцу и уехал, уводя в поводу захваченного верблюда. А Риго пошел к колодцу. К утру он все-таки нашел его, но в нем не было воды. Вместо живительной влаги Риго обнаружил в колодце огромную кобру...

— Ты прав, — обратился лорд Риго к синеглазому. — Сдается мне, что и бывший мой верблюд теперь тоже принадлежит тебе.

Конан промолчал в знак согласия.

— И шелковый бурнус, и куфия, и серебряный наборный пояс, — продолжал Риго. — И зингарская сабля, и бронзовая застежка для плаща, и сам плащ из чудной беленой шерсти, которая отталкивает пыль и спасает от перегрева... Ну что ж, это хорошие вещи, хоть и недорогие. Пусть теперь послужат тебе. Но среди них есть одна вещица, которая представляет ценность только для меня. Это плоский футляр из kleеного папируса, а в нем — рисунок, сделанный тушью на рисовой бумаге. Не мог бы ты вернуть его мне?

Надежда ожила в душе бритунийца. Лишь бы получить свою тайну обратно, а уж выбраться отсюда он и сам сумеет.

Но Конан покачал головой отрицательно и нахмурился.

— Почему? — деланно изумился Риго. — Тебе понравился футляр? Оставь его себе. Мне нужен только клочок рисовой бумаги с рисунком.

— Футляр мне был ни к чему, — ответил Конан. — Я выбросил его.

Риго сам не понял, как вскочил на ноги. В глазах у него все зелилось багровым.

— Ты выбросил его?! — вскричал он. — Дубина, глупец, олух! Ты — выбросил...

Лорд-безд-земли истерически расхохотался, а потом оскалил зубы и набросился с кулаками на своего спасителя. Ярость вернула ему силы, но лишила разума — Конан был крупнее и тяжелее в полтора раза, не меньше. Северянин мог бы убить его одним ударом кулака. Однако он ограничился только коротким тычком в грудь. Риго осел на землю, закашлялся и стих.

— Что было нарисовано на бумаге? — спросил Конан невозмутимо, когда Риго восстановил дыхание.

— Танцующая женщина, — ответил тот и поперхнулся.

— Ты хотел меня ударить из-за нарисованной танцующей женщины? — Конан не скрывал недоумения.

Риго с ненавистью посмотрел на спокойную фигуру северянина, но выражение его лица вдруг изменилось. Счастливая мысль пришла к нему в голову.

— Если я посую тебе деньги, настоящую сумму, а не ту, что в моем...

твоем кошельке, — ты поможешь мне? — спросил он.

— Где ты их возьмешь? — усмехнулся северянин.

— Нам придется потрудиться. Слышал ли ты о «Жемчужине Песков»?

— Конечно, слышал. Фульк Кошачий Глаз, знаменитый вор, украл ее много лет назад у вендиjsкого чародея. Говорили, что Кошачий Глаз спрятал жемчужину незадолго до своей смерти. Она черная, размером с кулак и стоит так дорого, что некоторые князья снаряжали целые армии, чтобы только отбить ее и присвоить.

— Ты слышал не много. — Риго торжествовал. В глазах Конана он уловил вспыхнувший интерес. «Вряд ли этого увальня интересуют деньги, — подумал бритуниец. — Просто наш варвар любит крупные блестящие предметы».

— «Жемчужина Песков» никогда не задерживалась надолго у одного владельца, — продолжал он. — Фульк не был исключением. У него ее украли...

Ему пришлось прервать свое повествование, потому что Конан рассмеялся. Северянин скалил крупные белые зубы, фыркал, колотил кулаками об землю и даже пустил слезу. В этот миг он был похож на мальчишку.

— Продолжай, — велел он, успокоившись наконец. — Я люблю хорошие истории.

«Замечательно», — сказал себе лорд Риго, а вслух произнес:

— Ну что ж, слушай, рассказ будет долгим. Первым хозяином жемчужины на земле был дэв Зулаксар. Он похитил ее в прозрачном мире, где рождаются стихии, где от звезды до звезды подать рукой. Зулаксар хотел подарить жемчужину пэри по имени Ллори, но та отвергла драгоценность.

— Мне нет дела до тебя, дэв, — сказала она. — Мое сердце с другим. Его крылья сотканы из света, его очи ярче звезд. Для меня каждое утро он зажигает зарю, для меня каждую ночь он заставляет луну танцевать. А ты даришь мне жемчуг, и только.

Отвернулась гордая Алори, а Зулаксар впал в ярость. Он повалился наземь, его черные кожистые крылья взмахивали так сильно, что на море Вилайет разыгрался штурм. Жемчужину он метнул от себя прочь, и она улетела на много и много парасангов. В злобе своей много бед натворил бы дэв, если бы высшие силы не лишили его могущества в наказание за воровство. Говорят, он и по сию пору бродит в безлюдных краях, ищет жемчужину, надеясь вернуть ее в прозрачный мир, чтобы заслужить прощение.

Жемчужина закатилась далеко, на дно ущелья Баарваль, что в

Рабирийских горах. Будь она обычной, вроде тех, что добывают ныряльщики, конечно, побилась бы, поцарапалась, потускнела. Но с этой жемчужиной ничего подобного не произошло.

Спустя сотню-другую лет обнаружил ее один мимохожий бродяга. Может, он раньше слышал о ней или читал в ученой книге — об этом не узнаешь наверняка. Верно только, что именно он дал ей имя — «Жемчужина Песков». Бродяга продал сокровище и сказочно обогатился. Его потомки только и делали, что мотали деньги и все еще живут знатно и ни в чем себе не отказывают.

Аквилонский граф купил жемчужину и держал ее в шамарском замке, пока она не исчезла, чтобы появиться у менялы из Велитриума. На нее любовались в Луксуре и Галпараме, в Эруке и Нумалии. Император Кхитая посвящал ей стихи, асгардский ярл ею заплатил виру за убитого ванахаймского царевича...

Раабат Нипур, вендиjsкий маг, заполучил жемчужину с определенной целью. Деньги ему были не нужны — он умел делать золото из мусора. Нет, он рассчитывал с ее помощью достичь совсем иного могущества — поработить Зулаксара. Нипур знал — если вынудить отверженного дэва дать клятву, он сдержит ее. Вернув жемчуг и восстановив свою силу, Зулаксар стал бы служить магу до конца его дней... Случилось так, что Раабат Нипур нашел Зулаксара и заключил с ним договор. Но когда пришло время магу платить, пустым оказался его тайник — там уже побывал Фульк по прозвищу Кошачий Глаз.

Рассерженный Зулаксар уничтожил вендиjsкого мага — тому не помогли ни огненные шары, ни громовая стрела. Его обнаружили вмерзшим в огромный куб льда на задах постоянного двора в Бельверусе. Если учесть, что стояло в ту пору жаркое лето...

— Постой! — Конан перебил рассказчика. — Выходит, что какие-то остатки былой моши дэв все-таки сохранил?

— Получается, что так. — Риго пожал плечами. — Вряд ли это имеет значение. Почти полвека о Зулаксаре никто ничего не слышал. Возможно, что с досады он провалился в самую толщу земли и сгинул там навсегда.

Фульк Кошачий Глаз обожал хвастаться. Обокрасть чародея — что может быть почетнее для вора, который полагается только на ловкость рук и быстроту ног? Скоро каждая тарантийская шлюха знала о трофее Фулька.

Была среди них одна, именем Базилла, совсем молоденькая. Как все начинающие шлюхи, она считала, что прекратит торговлю собой, как только ей повезет. Но ей не везло. В бордель, где та подвизалась, не захаживали титулованные особы, да и богачей там не бывало — одна

только солдатня. Каждой шлюхе нужен мужчина, который пропивал бы заработанные ею деньги. Завелся такой и у Базиллы. Звали его Арно. Он пытался разбогатеть странным способом — предаваясь грезам, словно надеялся силой своего отчаяния превратить мечту в нечто осязаемое. От этих грез Арно стал нервным, злым и все время опасливо озирался.

А Фульк Кошачий Глаз, конечно, рассказал Базилле о жемчужине. Он был уже немолод, ему льстило даже купленное женское внимание, этим Базилла и воспользовалась. Какое-то время она старательно ублажала старого мошенника, причем — бесплатно. Фульк принял это за любовь и размяк.

— Он разболтал девке, где хранил похищенное, — догадался северянин.

— Именно так и случилось. Жемчужина и другие сокровища лежали в старом гробу, под землей, на кладбище для нищих.

В один прекрасный вечер Базилла опоила Фулька сонным зельем, подмешанным в вино. Наверное, вор с самого детства не спал так безмятежно и крепко, как в ту ночь...

Вызвав запиской из кабака своего дружка, Базилла направилась с ним на кладбище, которое находилось за чертой города. Ночь была самая подходящая для такого дела — черная, ветреная. То и дело принимался хлестать ливень. Среди могил метались тени, потревоженные мерцающим светом фонаря, — в нем теплилась маленькая свечка, годная только светить себе под ноги на крутой лестнице.

— Проклятье! — бранился Арно. — Давай уйдем скорее отсюда!

— Ты можешь уходить, слабак, — отвечала ему Базилла, — тогда я одна все сделаю.

— Где эта могила?

— Третья от северной стены во втором ряду.

— Знать бы, где северная стена... — То ли от холода, а вернее — от страха, зубы Арно клацали все громче и громче. Но Базилла не боялась ничего. Скоро нужная могила нашлась. Орудия заступом, постоянно слетающим с черенка, Арно разрывал ее. Базилла поставила фонарь на грубый валун, лежавший в головах фальшивого покойника, и внезапно рассмеялась.

— Ты что? — спросил Арно.

— Смотри, что здесь написано, — и она указала пальцем на камень.

— «Базилла и Арно», — прочел Арно. — Это что, шутка?

Базилла продолжала смеяться.

Когда крышка гроба отскочила в сторону, она смолкла. Жемчужина

была там и влажно поблескивала в свете фонаря. Арно завернул ее в свой плащ.

— Я хочу поглядеть на нее, — сказала Базилла.

— Успеешь, — ответил Арно. — Нужно уходить отсюда. Погляди, в гробу много всякого добра... Возьмем?

Действительно, гроб без покойника содержал в своем нутре срезанные кошельки, золотые украшения, драгоценные камни, в оправах и без. Арно позабыл, что только мгновение назад уговаривал свою подругу поскорее покинуть кладбище. Он прыгнул в раскрытый гроб, утонув почти по колено в сокровищах.

Может быть, Фульк Кошачий глаз копил на черный день; может, собирался уйти на покой и пожить безбедно, а всего вернее — он, как сорока, прятал похищенное в тайнике и почти сразу забывал о нем. Для подобных людей прелесть воровства заключается в процессе, а не в результате. Так или иначе, в гробу лежало целое состояние, не считая жемчужины.

Базилла молча смотрела, как ее дружок копается в золотом прахе. Жемчужина, завернутая в плащ, теперь лежала у нее ног.

На глаза ей попался заступ и мелькнула мысль: «А не стукнуть ли этим заступом по макушке непутевого приятеля? Все равно толку от него немного...»

Но едва она так подумала, в темноте со стороны восточных ворот послышался приближающийся шум. Развеселая компанияочных гуляк решила пощекотать себе нервы. Они несли факелы, кувшины с вином, а кто-то из них бряцал на мандолине. Это были безобидные студенты из числа богатых (бедные, как известно, по ночам уныло зубрят скучные дисциплины).

— Кому известно? — качнул головою синеглазый варвар. — Лично я знал несколько студентов. Ничего они не зурили, только пьянствовали и были не дураки подраться.

— Это были как раз такие студенты, — не моргнув глазом, продолжил Риго.

«Что я вижу? — вскричал их предводитель, красивый, статный юноша. — Странные дела вершатся под покровом ночи!»

Гуляки, свистя и улюлюкая, образовали вокруг могилы хоровод и принялись плясать. Базилла также оказалась вовлечена в танец. Арно, обезумев от страха, пытался выкарабкаться из разрытой могилы. Земля осыпалась, и он снова и снова падал вниз, в груду бесценных побрякушек. Студенты потешались над ним, а их вожак хохотал громче всех.

Тогда Арно взбесился. Он вылетел из могилы, словно пробка из бутылки, схватил заступ и ударил красавца-повесу по голове. Бедняга умер на месте. От неожиданности все оцепенели, и среди тишины и неподвижности Арно схватил сверток с жемчужиной и бросился бежать.

Его никто не преследовал, потому что друзья убитого, как только прошел шок, сгрудились над остывающим телом. Базилла не могла поверить увиденному. Все ее планы пошли прахом. Она тоже попыталась бежать, но сбутыльники несчастного вовремя остановили горе-воровку. Ее связали и передали в руки властей.

На допросе Базилла рассказала чистую правду, но ей не поверили. Некому было подтвердить ее слова. Во-первых, потому, что Фульк Кошачий Глаз исчез из города. Во-вторых, потому что Арно сделал то же самое. А убитый оказался как раз таким юношей, о котором Базилла мечтала, — племянником герцога и единственным наследником богатейшей семьи в городе. Августейший дядя не удовлетворился ходом следствия, и чтобы угодить ему, судейские чиновники изобрели целую шайку заговорщиков, убийство бедного парня представили политической акцией, а сокровища, найденные в гробу, описали в качестве улик.

Что тогда началось! Ведь Кошачий Глаз похищал ценности во всех уголках мира! Таким образом, шайка заговорщиков превратилась в могущественное тайное общество, простирающее свое влияние на всю ойкумену.

За Базиллу взялись всерьез. Она скончалась от пыток, находясь уже в состоянии помешательства, и все время твердила про черную жемчужину.

Последнюю неделю ее жизни судейские даже не обращали внимания на то, что шептали искусанные губы преступницы. А вот палач, человек с большим житейским опытом, ловил каждое слово. Истязание превратилось в увлекательную игру для двоих. Базилла, утратив рассудок, встречала боль, как наслаждение. А палач следил, чтобы оно не приедалось, и слушал, слушал... В какой-то момент он позволил телу, насаженному на острую пирамиду, испустить дух. Вечером этого же дня палач вышел в отставку. Ему требовалось много свободного времени для собственного расследования.

Задача бывшего палача осложнялась еще и тем, что никто из завсегдатаев дешевых притонов не мог толком описать сбежавшего убийцу. До того незначительной личностью был этот Арно... Но палач сумел составить для себя портрет души беглеца. Как собака, взявшая след, он ездил из страны в страну, оставляя крупные города без внимания. Спасающиеся трусы инстинктивно избегают больших городов, стремясь

обнаружить глухое и заброшенное место, дыру, щель, в которую можно забиться.

— И очень глупо, — вставил Конан. — В большом, шумном городе легче затеряться, в то время как в глуши чужак заметнее прыща на носу. Продолжай.

— Палач ездил по местам убогим и унылым — его интересовали полузымершие поселки, заглохшие лесные деревушки и маленькие городки, состоящие из трех улиц, по которым сквозняки гоняют взад-вперед колючие шары перекати-поля. Объявляясь в подобном городке, он находил нестарую женщину с неустроенной судьбой, похожую на Базиллу, похищал ее и долгое время беседовал с нею в лесной чаще... Что нужно хорошему палачу для работы? Моток веревки, огниво, дерево с удобным горизонтальным суком...

— Мразь, — констатировал варвар.

— Не могу не согласиться. — Риго устал, у него начал садиться голос. — Однако он редко ошибался. А беглец все не мог остановиться. Арно чувствовал погоню и спасался. В конце концов он так измучился, что признался себе: лучше уж было один раз умереть, чем всю оставшуюся жизнь качаться в седле и вздрагивать от каждого шороха. Увы — Арно боялся не смерти, а самого страха, и убегал, повинуясь ему, как корабль повинуется течению. При нем находилось бесценное сокровище, которое нельзя было продать, и Арно научился есть один раз в четыре дня. Однажды он зарезал подгулявшего каменщика и оказался таким образом владельцем трех серебряных монет, мастерка, отвеса и рекомендательного письма, адресованного подрядчику Мирзо-Рашиду. Каменщик направлялся на заработки в Шахризабс.

То, что ныне — живописное собрание руин, полвека назад являлось ожившей сказкой, дерзкой мечтой. Миражом вырастал Шахризабс из песков, и верхушки его лазурных башен плыли в стеклистом мареве... Шахризабс журчал фонтанами, шелестел садами, галдел пестрой толпой на площади или страстно вздыхал под трели красногрудых кхитайских соловьев.

Построить красивый город в неудобном для того месте — тяжело; но еще тяжелее заставить такой город стоять. Ранним утром на улицы Шахризабса выходили каменщики, штукатуры, маляры и мастера по изготовлению цветных изразцов. Город восстанавливал то, что солнце и воздух, переполненный колючим песком, съели за прошедший день:

Каменщик из Арно вышел неважный, но зато теперь он мог отвлечься к не думать больше о своем страхе. Как оказалось — напрасно.

Палач вошел в город на закате, а к утру ему уже было известно, что Арно занят реставрацией колоннады летнего дворца. Дворец этот был построен Убилай-ханом в память о любимой его жене Ферузе. Некогда она танцевала для супруга танец-навруз... В нем тридцать четыре основных фигуры. Поэтому портик фасада поддерживают тридцать четыре колонны, и на каждой из колонн Феруза повторяет движения танца. В то утро Арно возился с колонной, на которой изображалась фигура «Тюльпан раскрывается». Она сильно растрескалась, а со стороны, ближней к фасаду, из нее вынимался целый кусок.

Арно приготовил раствор, скрепляющий камень, и готовился уже замазать им все трещины, как внезапно страх уколол его в печень. В этот самый момент палач вышел на площадь Чиланзар и двигался по улице Гунча, направляясь к летнему дворцу. Арно еще не видел его, но уже чувствовал приближение своей судьбы.

Прислонившись на несколько мгновений лбом к прохладной колонне, Арно вдруг, по наитию, извлек из нее выпадающий кусок. Вынул жемчужину из рабочего мешка, обернулся тряпицей, вложил в образовавшееся углубление и быстро замазал его раствором.

Потом он сел на мраморную ступень и стал ждать.

— Вот я и нашел тебя, — сказал палач, присаживаясь рядом. — Знаешь, это оказалось непросто. Но ты свалил дурака. Убитого каменщика нужно было сбросить в карьер или утопить в болоте. По его рукам я догадался, что он был мастеровым. Дорога, у которой ты бросил беднягу, вела в Туран. Вот я и смекнул, что ты вместо него едешь на заработки в Шахризабс. Что, много платят?

— Что тебе нужно? — спросил Арно.

— Чтобы ты понес наказание за убийство, — бросил палач.

— Тебя наняли?

— Нет, но я всю жизнь работал на правосудие. Палач достал из торбы кусок лепешки и кисть винограда и начал есть, неторопливо, с удовольствием.

— А может быть... — подал голос Арно.

— Нет, — покачал головой палач.

Не отрывая глаз от его жующего рта, Арно очень осторожно и медленно протянул руку к поясу — за ним находился остро отточенный нож с кривым лезвием. Наконец его пальцы сомкнулись на рукоятке. Арно поднял глаза чуть выше и встретился со взглядом палача. Тогда он вскочил, замахнулся, но палач опередил его. Клинок метательного ножа блеснул, как молния, и Арно, подобрав ноги, уткнулся лицом в мраморный

парапет...

— Именно так и бывает, — кивнул Конан. — Когда двое тянутся за оружием, побеждает тот, кто выхватывает нож последним. Все дело в скорости. Главное — понять, с какой скоростью действует противник, и тогда ты всегда сумеешь его опередить.

— Я хочу пить, — сказал бритуниец.

— Здесь есть вода, — северянин неспешно поднялся. — Я принесу. Только не забудь, на чем остановился, — прибавил он устрашающим тоном.

Напившись из свернутого в рожок мясистого листа, лорд-без-земли вытер подбородок и продолжил:

— Палач доел лепешку, бросил ощипанную виноградную кисть рядом с телом и осмотрелся. Заметив выемку в колонне, замазанную свежим раствором, палач взял мастерок убитого и... аккуратно подравнял работу скверного каменщика. Запомнив как можно точнее позу танцующей Ферузы па этой колонне, палач вернулся на постоянный двор, оседлал свою шершавую коротконогую лошадку и уехал прочь.

Прожил он после этого еще очень долго. У него был небольшой домик в Кордаве, жил он тихо и уединенно. Никто из соседей даже не подозревал о том, кем был этот сухонький старишок. И вот однажды мы встретились. Дела мои в ту пору были очень плохи, но об этом рассказывать неинтересно. Старишок заговорил со мной на моем родном языке, от которого я начал уже отвыкать.

— Я скоро умру, — сказал он, — но у меня есть тайна, с которой не стоит ложиться в могилу. Я оставлю ее тебе — возможно, она пропадет вместе с тобой, а может быть — поставит тебя на ноги.

Он и поведал мне эту историю, а на прощание подарил клочок бумаги. На нем, как ты уже догадался, была изображена танцующая Феруза. Рисунок указал бы мне нужную колонну. Ты его потерял, но это не беда — я могу вспомнить, как выглядела поза танцующей женщины. Что скажешь? Теперь ты согласен?

Конан ухмыльнулся.

— Зачем мне помогать тебе? Я и один сумею достать жемчужину.

— Но ведь ты даже приблизительно не знаешь, в какой из колонн нужно ее искать!

— Зачем мне? Я разобью все колонны по очереди. Сколько их там? Тридцать четыре?

Лорд Риго покачнулся и побледнел. Варвар снова ухмыльнулся, дружески хлопнул его по плечу и произнес:

— Ладно, не бойся. Я пошумил. Возьму тебя с собой. Выручку пополам. Я все-таки не Керим. К тому же, ты хороший рассказчик, а я люблю истории.

* * *

— Срок истек, — проговорил Нуурлак. — Ты знаешь, что теперь будет?

Он обращался к молодой женщине, которая стояла на коленях перед его креслом. От страха она не могла вымолвить ни слова.

— В вашем селении был неурожай, я знаю, — продолжал Нуурлак, — но может ли это служить оправданием? В селении Джам тоже ничего не взошло. Однако муж заложницы нашел деньги и принес мне. Где же твой муж, женщина? У него оставались баран и полмешка муки...

Аль-Зафар, стоявший у окна, покачал головой.

Как можно быть таким мелочным? Лелеять планы но захвату власти во всей стране — и помнить, сколько осталось муки у каждого декхани-на!

— Господин, я знаю, что он повел барана на базар, — дрожащим голосом сказала женщина. — Скоро он вернется и принесет деньги!

— Он ушел три дня назад. Скорее всего, он сбежал. Все, кто ковыряются в земле, — трусы, — Нуурлак приподнял верхнюю губу и показал клык. — Сейчас ты умрешь. Если в течение дня твой муж принесет выкуп, он получит твоё тело.

Женщина в ужасе упала лицом. Двое нукеров, одетых в черное, выволокли ее из залы.

Нуурлак поднялся и встал рядом с аль-Зафаром.

— Понять не могу, зачем ты портишь хорошие вещи? — произнес аль-Зафар. — Ее можно было продать...

Нуурлак поднял руку, жестом приказывая ему замолчать. Он смотрел в окно на двор, где заложницу раздели и привязали за ноги к перекладине, лежавшей на двух столбах. Рядом, на мангале, дымил котел с маслом.

В тело жертвы ввели страшное орудие казни — медную воронку с широким горлышком. Несчастная вскрикнула, но когда один из нукеров принял лить масло в воронку, она только хрюпела и содрогалась.

— Третья за одну луну, — сказал аль-Зафар.

— Последует и четвертая, и пятая, если не будут платить, — отвечал

Нуурлак, возвращаясь в свое кресло. — Ты спрашиваешь, почему я не продаю их? Когда продаешь человека, даешь ему шанс. Он может сбежать или выслужиться и получить свободу. Рабу не нужно думать о еде — его кормит хозяину. Если я начну продавать заложниц, они, чего доброго, сами начнут приводить своих женщин. — И он рассмеялся.

Глядя на его желтые клыки, аль-Зафар спросил:

— Ты не думаешь, что декхане когда-нибудь взбунтуются против нас?

— Неужели начальник моего войска обеспокоен такими пустяками? — Нуурлак ощерился еще сильнее.

— Моих нукеров боится даже регулярная армия, — сказал аль-Зафар. — Декхан мы перебьем в два счета, но кто тогда будет нас кормить?

— Пустой разговор. Они не взбунтуются. Ты видел когда-нибудь баранов, бунтующих против волков? И потом, по закону — я их хозяин. Султан не посмеет отметить своего фирмана, потому что в этом случае многие хакимы и князья перестанут его поддерживать. Знаешь, что сказал султан, когда к нему пришли с доносом на меня? Он сказал: «Убейте его сами — выберите себе другого хозяина. Или пригласите соседского князя, пусть он убьет его. Тогда мы закроем на это глаза».

Да, это забавно, — усмехнулся аль-Зафар.

— Новая заложница, — объявил, входя, десятник нукеров. — Селенье Джизак, дочь декханина Дадабая.

В комнату втолкнули девушку со связанными руками. Ей было лет девятнадцать, и черты ее хорошенъского лица еще не огрубели от солнца и ветра.

— Как мило, — обратился к ней Нуурлак. — Я слышал, у Дадабая водились деньги.

— Мы недавно купили риса и хлеба, — дрожа, отвечала пленница, — и почти все съели...

— Дзе-дзе... Нехорошо так много есть, — сказал Нуурлак. — Ничего, пусть твой жених поможет Дадабаю собрать выкуп. Это и будет его калым.

— Но у меня нет жениха, господин, — всхлипнула девушка.

— Как тебя зовут?

— Зулия, господин.

— За семь дней твой отец что-нибудь придумает. А теперь, извини, я должен позаботиться о том, чтобы ты не убежала. Дворец ненадежен, ни одной целой двери, ни одной решетки на окнах. А стражники иногда засыпают... — Нуурлак хлопнул в ладоши.

Нукеры, выскочившие как из-под земли, повалили Зулию на пол. С нее сорвали чувяки, ноги крепко стянули петлей у щиколоток. Один из воинов

принялся наносить сильные удары но пяткам девушки черной полированной палкой. Другой крепко держал ее за ноги.

От каждого удара несчастная подпрыгивала, но вырваться не могла. По ее лицу катились слезы.

— Бей сильнее, она должна кричать, — велел Нуурлак, но в продолжение истязания Зулия только несколько раз застонала.

— Довольно, — сказал Нуурлак, когда зрелище ему наскучило. — Вот теперь, Зулия, ты не убежишь. Это прекрасный вид наказания, он не оставляет следов, но человек после него два дня не может встать на ноги. А через два дня ты получишь еще.

Действительно, чтобы удалить девушку из залы, нукерам пришлось унести ее.

— Она оказалась крепче, чем ты думал, — хмыкнул аль-Зафар.

— Наказывать таких гораздо приятнее, — заметил Нуурлак. — Но ты обратил внимание, как быстро ложь входит в привычку у подлого люда? «Мы почти все съели...» — передразнил он пленницу. — Ловкачи. Они сами вынуждают меня быть жестоким. Им нравится, когда ихгибают в бараний рог. Ладно, поговорим теперь о серьезном деле.

— Поговорим, — кивнул аль-Зафар. — Завтра в полдень большой караван из Султанапура окажется в пределах досягаемости нашего маршброска. Я пошлю дюжину воинов — этого хватит.

— Что везут?

— Ткани, янтарь с севера, оливковое масло, серебряную посуду и побрякушки. Около пяти тысяч серебром, есть и золото у купцов. Банковские расписки на предъявителя. Богатый груз. Охраны — тридцать человек.

Нуурлак, довольный, потянулся.

— Люблю, когда ты так говоришь, — произнес он.

«Ах ты, шакал бешеный, — подумал аль-Зафар. — Думаешь, это все достанется тебе?»

Улыбнувшись своим мыслям, он поклонился и вышел.

* * *

— Их всех убили быстро. Ты не успел бы сосчитать до десяти.

Скаакун варвара, всхрапывая, переступал осторожно, чтобы не задеть

копытами мертвые тела.

— Случилось это недавно, совсем недавно. Меньше, чем полдня назад. Смотри, — Конан указал пальцем в ослепительное жаркое небо. В нем кружились три черные птицы, похожие на бумажных кхитайских змеев.

— Не понимаю, — буркнул Риго.

— Иначе падальщиков было бы куда больше. А трупы раздуло бы на солнце, как подушки.

Конан замолчал. Он заставил своего коня обехать кругом место побоища. Лорд-без-земли остался на месте. Его верблюд равнодушно двигал челюстью.

— Караваи увели в сторону Шахризабса, — уверенно молвил варвар. — Следы еще не замело ветром. Нападавших было двенадцать, и они не потеряли ни одного человека. Им удалось окружить торговцев и остаться незамеченными. Подобравшись поближе, они забросали караван стрелами, а оставшихся охранников изрубили саблями. Это очень хорошо обученные трусы. Не похоже на обычновенных разбойников.

— Наверное, шалят декхане из окрестностей Шахризабса, — предположил Риго.

— Чем ты слушаешь? — удивился Конан. — Я сказал: хорошо обученные. Это чьи-то воины.

— Но чьи?

— Скоро узнаем.

Конан низко свесился с седла и зачерпнул рукою целую пригоршню песка, после чего, выпрямившись, постепенно разжал пальцы. Песок струйкой побежал вниз, горячий ветер подхватил его и разнес в воздухе.

— Что ты делаешь? — осведомился Риго.

— Каждый погибший от разбойников заслуживает похорон. Хотя бы условных. На настоящие у нас нет времени. Едем.

И его конь поскакал прочь. Верблюд затрусиł следом.

На правах компаньона Риго выпросил назад свою одежду и оружие. В оазисе, где бритуниец рассказал варвару о жемчужине, они дождались вечера, набрали свежей воды в большой бурдюк, оседлали своих верховых животных и тронулись в путь. Стоял «чиля» — самое жаркое время года, когда к полудню песок раскаляется так, что кажется мокрым.

Первый совместный переход они совершили ночью, и едва рассвело, были уже возле другого оазиса. Он был чуть больше первого, и вода в большом, круглом колодце оказалась холоднее и другого вкуса. Путники проспали под деревьями до сумерек, обновили запас воды, подкрепились

вялеными фруктами и горячей кашей. Потом они снова ехали всю ночь, но к рассвету не успели найти укрытия. До следующего колодца компаньоны добрались, когда солнце входило в зенит.

— Тяжело? — спросил Конан.

— Я мог бы вынести и более сильную жару, но глаза... — признался Риго.

— Может быть, за свою долю выручки ты сможешь купить себе новое зрение? — Варвар произнес это так задумчиво и спокойно, что бритуниец не понял, издевается ли над ним попутчик, или говорит серьезно.

— Этот оазис — последний на пути до селенья Джизак. Поэтому мы проведем здесь сегодняшний и завтрашний дни. А потом придется ехать ночь и еще день, не останавливаясь надолго. Лучше отдохнуть заранее. Зато от Джизака до Шахризабса скакать всего ничего.

— Я понял, — кивнул Риго. Глаза у него слезились.

Конан посмотрел на него мрачно, сплюнул и ушел к роднику. Вернувшись, он протянул бритунийцу несколько круглых зеленых листьев и велел:

— Пожуй и приложи к векам. Должно помочь.

— У вас в горах растет такая трава? — спросил Риго.

— Она везде растет.

У листьев оказался кисловатый, вяжущий вкус. Рот после них горел, и все время хотелось пить. Но боль в глазах они успокоили. Риго уснул, положив голову на седельную подушку.

Разбудил его толчок в бок.

— Ты хранишь, — пояснил Конан.

Бритуниец хотел было рассердиться, но передумал. Стояла ночь. В сырой траве у родника горланили жабы.

— Нам немного не повезло, — сказал Конан. — Несколько дней назад сюда приходили антилопы. Если бы мы успели, у нас было бы свежее мясо.

— Как бы ты добыл антилопу? У нас ни лука, ни копья...

— Когда я вижу мясо... я могу догнать его и повалить. — Варвар причмокнул, и вздох его был похож на рычание.

— Проклятье! — буркнул он. — Отвлечи меня. Расскажи что-нибудь.

В этот миг Риго увидел в ветвях нечто такое, от чего волосы зашевелились у него на затылке.

— Это будет очень короткая история, — произнес бритуниец, — и начну я ее так. Почему антилопы, пришедшие сюда, удалились, не съев всей травы в этом оазисе? Их кто-то спугнул. Но кто? Может быть, та тварь, что следит за нами, сидя на акации?

— Как она выглядит и что делает? — спросил варвар, не поворачивая головы.

— Ростом с тебя и похожа на тебя, — сказал Риго. — Такая же косматая. У нее огромные желтые глаза, клыкастая пасть и когти на лапах. Что она делает? Она прыгает на нас!

Вытянутое тело в полете заслонило луну. Огромная тень пронеслась над поляной.

Риго, не вставая, откатился в сторону, а Конан перекувыркнулся вперед и тут же развернулся.

Несмотря на огромный рост и немалую силу, неведомый хищник приземлился почти без шума. Он действительно был похож на человека, а его морда — на человеческое лицо, изуродованное страшной болезнью. Вблизи Риго разглядел, что все тело существа покрыто бурой, лохматой шерстью, а морда, лишенная волос, — ярко-красного цвета.

Чудовище стояло на задних лапах и размахивало передними. Конан стал похож на льва перед прыжком. Варвар и хищник глядели друг другу в глаза. Потом тварь оскалилась и заворчала, словно в груди у нее гулко и быстро застучал барабан. Конан ответил ей оглушительным рыком.

Зверь вдруг присел и взвился в воздух, выбросив далеко вперед задние лапы. Удар пришелся варвару в плечо и отбросил его. Но падая, Конан успел перегруппироваться и в следующее мгновение сам бросился на чудовище. Правой рукой он ухватил зверя за горло под нижней челюстью, а левой, сжатой в кулак, принялся молотить его по лбу.

Риго, выхватив саблю, бросился на помощь товарищу. Он рассчитывал поразить чудовище сзади, однако оно почувствовало его намерение и подпрыгнуло, лягнув задними лапами, одна из которых угодила бритунцу в живот. Риго охнул, выронил оружие и скрючился.

Тем временем варвар и ночной хищник оба повалились наземь и сплелись, перекатываясь с места на место и рыча. В какой-то момент бритунец был уверен, что Конан побежден, но варвару удалось избавиться от цепких лап твари и отскочить. Чудовище, словно исполняя зловещий воинский танец, закружило вокруг него — оно примерялось к следующему броску. Но теперь оно было напугано неожиданным сопротивлением и стояло уже не на двух, а на четырех лапах, выгнув спину и прижав уши к черепу.

Наконец оно скакнуло, на этот раз — низко над землей, пытаясь ухватить противника за ноги, по Конан просто перепрыгнул через него. Зверь бросился опять. Тогда варвар ухватил его за загривок, вторую руку упер ему в подбородок и резким движением выкрутил шею чудовища.

Раздался громкий хруст, хищник упал и больше не шевелился.

— Плохо, что оно заметило нас раньше, чем мы его, — сказал Конан, переводя дыхание.

— Кто это? — спросил Риго в недоумении.

— Не знаю. Сейчас посмотрим, съедобно ли его мясо. Нужно развести огонь.

Мясо оказалось горьким и отвратительно пахло, но Риго утешал себя тем, что это они пытаются съесть чудовище, а не наоборот.

— Почему ты даже не потянулся к своему мечу? — спросил он у варвара, когда костер начал затухать, а небо на востоке, напротив, разгорелось.

— Чтобы одолеть такого зверя, нужно думать как он. С мечом в руках я могу думать только как человек, — отвечал Конан.

Целый день дотемна они проспали, а поздно вечером отправились дальше. По пути им попались следы большого каравана. А спустя еще полдня команьоны обнаружили место его гибели.

— Я не великий трус, — сказал Риго, — но и не великий храбрец. Нужно хорошенько осмотреться, прежде чем начинать поиски жемчужины.

Конан молча согласился с этим.

До Джизака они добрались еще засветло. Селенье ютилось на берегу реки Куксу, заросшей камышом и диким рисом. Под копытами уже не шуршал песок, а звенела растрескавшаяся глина. Из глины и камыша были дома — приземистые постройки грязно-желтого цвета. Окна домов выходили в крошечные дворики, окруженные покосившимися плетенными заборчиками. В некоторых двориках росли чахлые фруктовые деревья

— было видно, что за ними трогательно ухаживают, но вид они имели жалкий. В то время как выше по склону были разбиты пышные сады, а чуть поодаль на берегу, зеленеющем травой, паслись бараны.

— А вот и мясо, — хмыкнул Конан. — Держись, бритуниец. Всего за несколько монет мы славно поужинаем. А может, и вообще бесплатно. Туранцы из простых — очень гостеприимны.

— Непохоже, — отозвался Риго, оглядываясь.

— По-моему, они все разбежались по своим домишкам и ждут, когда мы уйдем.

— Эй! — закричал варвар. — Нам нужен приют и ужин. Мы заплатим!

Эхо от его зычного голоса, казалось, потонуло в тоске и безнадежности этого места. Только слышно было, как сквозняк хлопает калиткой о плетень.

— Даже собаки не лают, — пробормотал Конан. — Попробуй, крикни

ты. Может, они меня боятся.

Риго пожал плечами, набрал побольше воздуха в грудь и провозгласил на турапском наречии:

— Вам нечего бояться, мир вашим домам! Мы

— путники издалека, пришли поклониться руинам Шахризабса. Отдохнув, мы уйдем.

— Уходите сейчас, — послышался тусклый голос. Из-за дома показался пожилой мужчина в застиранной рубахе без ворота и очень худых штанах. Сам он был коричневый и ссохшийся, голова его тряслась, словно от тика, а по лицу медленно текли слезы.

— Уходите сейчас, если вы мирные путники,

— повторил он. — Вам не нужноходить к стенам Шахризабса. Вы не вернетесь оттуда живыми.

— Ты один живешь тут? — спросил варвар.

— Нет, господин. В поселке тридцать семей.

— Неужели ни одна из них не пустит нас на постой хотя бы до завтра? — Риго заставил своего верблюда присесть на передние ноги и спешился.

— Мы хорошо заплатим, отец. Нам и нужны-то сущие пустяки — камышовый тюфяк, баранина на ужин, сена для лошади и немного колючки верблюду...

Пожилой мужчина подошел ближе. Ноги его подгибались, словно у изнуренного тяжелой болезнью.

— Мы голодаем, — сказал он тихо. — Ни у кого в Джизаке не найдется того, что вам нужно.

Риго не поверил своим ушам.

— Отец! — воскликнул он. — Как ты можешь говорить неправду? Разве не бараны щиплют траву у реки?

— Это бараны Нуурлак-бека, и трава — Нуурлак-бека, и река Нуурлак-бека. Даже воздух, которым мы дышим, принадлежит ему, — отвечал декханин. — Уезжайте.

— Воздух? — переспросил Конан, усмехаясь. — А мой конь только что пустил ветры!

— Кто такой Нуурлак-бек? Это его люди перехватили сегодня караван? Отвечай, отец! — Риго потряс пожилого за плечо. Однако Конан остановил бритунийца.

— Брось его, — сказал он. — Толку мы не добьемся.

Ругаясь, лорд-без-земли еповь уселся на верблюда. Компаньоны отъехали чуть дальше, вверх по реке.

— Переночуем здесь, — варвар спешился, ослабил подпругу коня и снял с его спины седельную сумку.

— Пятьдесят лет! — бормотал Риго. — Пятьдесят лет развалины оставались развалинами, и вот какой-то разбойник Нуурлак-бек устраивает там гнездо.

— Это необычный разбойник, — напомнил ему Конан.

— Извини, я забыл! — Риго улыбнулся язвительно. — Дальше-то что делать?

— Собирать дрова для костра, — невозмутимо произнес варвар и удалился в неизвестном направлении. Риго только руками развел.

В полном одиночестве он принес сухих коряг, и скоро костер занялся. Набрав из реки зеленоватой воды, бритунец сварил в котелке капу и морщась стал прихлебывать горячий кипяток. Конан отсутствовал еще некоторое время, а когда он появился, то Риго даже присвистнул от удивления: варвар приволок целую баранью тушу.

— Мясо, — сказал он, принимаясь разделять ее. — Хорошо!

— Думаешь, у нас не будет неприятностей?

— Пусть Нуурлак придет и потребует денег за своего барана, — произнес Конан, широко улыбаясь. — А еще за потраву луга и за воду из речки. И за воздух, испорченный моей лошадью!

Риго не выдержал и рассмеялся.

Насытившись, бритунец долго наблюдал, как Конан обгладывает баранью ногу, зажаренную на угольях. В его манерах вовсе не было нарочитой грубоcти и неряшливости, с которой варвары ассоциируются у цивилизованных людей. Чавкал и сопел он, как всякий другой, срыгивал в меру, а запачканные жиром руки вытирали вовсе не об одежду, а о волосы, чтобы те аккуратнее лежали и не падали на глаза. Сокрушая челюстями сухожилия, Конан производил впечатление здорового молодого животного, а животные едят красиво.

— Сюда идут, — сказал он, бросив обглоданную кость в огонь. — Семеро. У них два факела.

Риго собрался вынуть саблю из ножен, но варвар отрицательно покачал головой. Он сидел, скрестив ноги и выпрямив спину, сполохи огня озаряли его лицо и заставляли глаза вспыхивать ледяным светом.

Подошедшие к костру оказались декханами, такими же, как и мужчина, встреченный в поселке.

— Мир вам, — приветствовал их Риго. — Проходите к огню, располагайтесь.

Но пришельцы остались стоять. Они хмуро смотрели на остатки

трапезы и молчали. Молчание это было тягостным. Наконец один из них, сутулый, с длинным смуглым лицом, обрамленным совершенно седой бородой, произнес:

— Дадабай просил вас уйти. Это была просьба всех нас. Теперь будет несчастье.

— Мы не боимся, — ответил Конан, не глядя на говорившего.

Тот сверкнул глазами и сказал гневно:

— Еще бы, конечно, вы не боитесь, пришлые люди с оружием. Чего вам бояться? Вы уйдете. Разве Нуурлак-бек станет разыскивать вас, чтобы наказать за ваше нахальство? Зачем ему? Мы всегда у него под рукой. Он накажет нас.

Риго рассердился в ответ.

— Мы сразу объявили, что заплатим. Возьмите,уважаемый, деньги за барана и отдайте их нашему грозному Нуурлаку. Недавно он перехватил большую добычу, вряд ли его опечалит потеря одного тощего ягненка.

Седобородый покачал головой.

— Вы не знаете Нуурлак-бека.

— Не знаем, — подтвердил Конан.

— Но не прочно узнать о нем побольше, — добавил лорд-без-земли.

— Я расскажу, — мрачно изрек седобородый.

— Может, тогда вы поймете, что наделали. Остальные шестеро стояли за его спиной. Костер неравномерно освещал их лица, выхватывая из мрака то одно, то другое. Риго отмечал в этих лицах сходство, поначалу неуловимое: оно заключалось в страхе и нужде, которые исказили одинаковым образом прежде различных людей.

— Я Азамат, — назвался седобородый. — Некогда я был старостой в Джизаке. Эти люди надеялись на мой ум, и они ошиблись. Я не смог их защитить, когда в окрестностях появился черный пес аль-Зафар со своими нукерами. Откуда он взялся, знают только демоны смрадной преисподней — не иначе, его выгнали оттуда в наказанье нам... Аль-Зафар грабил Джизак и другие окрестные селенья несколько лет кряду. Немногие решались сопротивляться ему, а те, кто решился — давно мертвые.

Поговорив с другими старостами, я направил своего сына в Султанапур с жалобой на злого вора. Скоро прибыл отряд стражи. Они разместились у нас, но аль-Зафара не нашли — он ушел далеко в степи. Солдаты требовали еды и за одну луну ограбили нас так, как не грабили нукеры за полгода. Когда нам нечем стало их кормить, они бросили нас — и вернулись восвояси. А через три дня аль-Зафар был здесь.

— Что, шакалы, не помог вам султан? — крикнул он и хлестнул меня

камчой. Мой сын был рядом и заступился за меня... Аль-Зафар ударил его саблей, и мой мальчик умер.

Те сады и поля за садами принадлежали нам. Не слишком много дохода они приносили, но мы жили и не боялись рожать детей. Когда аль-Зафар стал забирать большую часть урожая, стало худо. Но скоро сделалось еще тяжелее.

Нуурлак пришел и объявил, что возьмет нас под защиту, если мы согласимся признать его господином. И мы признали, хоть и не слыхивали раньше ничего об этом человеке. Да и человек ли он? Пришел Нуурлак из далеких мест, чужак чужаком, только видно было, что он — еще больший разбойник, чем аль-Зафар... Мы согласились, и стал Нуурлак — Нуурлак-беком. И только после этого выяснилось, что аль-Зафар — его подручный.

Вот так и стали мы рабами. Сначала он нам благодельствовал — возвращал крохи из украденного аль-Зафаром. А потом вышло, что все мы его должники. Сады теперь его и поля, хоть по-прежнему мы работаем на них. Это бы еще не худо, а вот только требует он все больше и больше. Выбирает дом и увозит оттуда чью-нибудь жену или дочь. Плати выкуп. А не заплатишь — пленнице лютая смерть.

Дадабай, с которым вы говорили, должен выкупить дочь. Но теперь Нуурлак-бек все равно ее казнит — из-за барана, которого вы съели. Дадабай по обязанности должен отвечать за скотину. Даже если принесет он деньги, разгневается Нуурлак. А теперь скажите, сладко вам было есть этого барана?

— Сколько денег нужно отдать за дочь пастуха? — спросил Конан.

— Две серебряные монеты, храбрый чужак с оружием, — отвечал Азамат.

Риго остолбенел от изумления.

— Ни у кого в Джизаке не найдется двух серебряных монет?

— Что с ним разговаривать, — жалко улыбнулся один из пришедших и потянул старосту за рукав халата. — Это же белые бродяги. Они только говорят на нашем языке, но не понимают слов.

— Мы набрали медью стоимость одного серебряника, — сказал Азамат. — Но Нуурлак-бек может и не взять наших медяков. Аббасу из селения Нукта он швырнул медь в лицо, а его жену посадил на кол. Аббас два дня смотрел, как она умирает, и сошел с ума.

— Сколько у Нуурлака людей? — Конан спрашивал прямо и четко, не позволяя себе отвлекаться на излишние подробности.

«Что он задумал?» — мелькнуло в голове у бритунийца.

— Сорок нукеров и аль-Зафар, который стоит десятка человек.

— А сколько мужчин можно набрать по всем окрестным селениям?

— Сотни три... — Азамат тоже не понимал, куда клонит этот странный синеглазый чужак.

— И почему же головы ваших врагов до сих пор не висят на заборах? Почему кишки Нуурлака не намотаны на верхушку какой-нибудь чинары? Почему аль-Зафара еще не скормили собакам?

Голос варвара прогремел в ночи так, что даже пламя костра всколыхнулось.

— Кром великий! — продолжал Конан. — Если вас, триста трусов, пугает сорок человек, зачем же вы пришли сюда? Портить нам аппетит?

— Смелый чужак с оружием позабыл, что мы — простые декхане, — с горечью староста опустил глаза, но варвар перебил Азамата без всякого почтения к его сединам:

— Вы боитесь обученных, сильных воинов. Глупцы! Как бы ни был силен воин, ударом мотыги по лбу можно его свалить, Неужели вы не знали этого? Я дам вам денег, хоть вы их и не заслужили, и вы какое-то время сможете спасать ваших женщин, которых вы тоже не заслужили, раз не умеете защитить. Держи кошелек, трус, староста трусов, и пусть жители селенья Нукта завидуют вам, пока их жен сажают на колья. А теперь слушайте: если вы поможете нам, все вместе, мы убьем Нуурлака и вернем вам украденное. Но если вы, подобные сороконожкам, снова забьетесь в свои щели — Нуурлак раздавит каждого из вас по одиночке.

— Что с ним говорить! — снова сказал один из декхан. — Они же не понимают наших слов.

И шестеро жителей Джизака разошлись восвояси, спотыкаясь в темноте. Азамат, сжимая в ладони кошель, вдруг повалился на колени и зарыдал.

— Проваливай, — буркнул Конан и отвернулся от него.

Старик удалился в темноту, но тягостное чувство осталось висеть над костром, словно невидимый полог.

— Мы даже не предложили им поесть, — произнес бритуниец сумрачно, на что Конан как-то криво усмехнулся.

— Ты нехорошо с ним обошелся, — добавил Риго после короткого молчания.

— Разве? Я дал ему денег, — напомнил варвар. Сейчас лицо его не было детским, оно окаменело, а синие глаза северянина сделались грозового цвета.

— Твои деньги ему тяжелее удара кнутом. А ведь он — старый человек. К тому же разбойники убили его сына. Наше появление сулит

этим людям новые беды, а мы даже не попытались утешить их.

— Зато я попытался сделать большее, — возразил Конан. — Старик потерял сына, но юноша погиб молодым и здоровым. Он не пожалел своей только начавшейся жизни, чтобы уберечь достоинство отца. А ради чего живут эти декхане?

— У крестьян вообще другое представление о достоинстве, — сказал Риго. — Благородство для них — честный труд на земле.

— Верно, — Конан кивнул. — Земля — смысл их жизни. Я иногда думаю о таких вещах, когда нечем заняться, а под рукой нет выпивки и женщин. Вот, скажем, смысл моей жизни — битва. Отними у меня битву, и чем я стану? Отбросом, разлагающимся куском плоти. У этих людей отняли смысл их жизни, и они ничего не совершили, чтобы вернуть его. А когда я предложил им объединиться и защитить себя — не ограбить кого-нибудь, не добыть сокровище, а просто защитить себя, они назвали меня бродягой. Помнишь? Риго смущился.

— Не думаю, чтобы битва была единственным, что заставляет тебя жить, — возразил бритунец. — Тебе ведь не все равно, на чьей стороне ты бываешь?

Варвар задумался, что вызвало сильное напряжение во всем огромном его теле. Бритунцу даже послышался легкий скрип, будто бы раздавшийся в косматой голове северянина. Наконец с неимоверным усилием Конан подобрал нужные слова.

— Эта битва началась задолго до меня и не кончится, пока стоит мир, — произнес он убежденно. — Всякие ученые дураки, особенно маги, говорят о равновесии между светлым и темным, добрым и злым. Так вот — враки все это. Нет никакого равновесия. И я знаю сторону, за которую бываюсь, в какой бы войне я ни участвовал. Даже когда я ворую или разбиваю кому-нибудь голову в пьяной драке, я все равно не на темной стороне. А битва идет всегда, хотя порой мы видим странные ее проявления. Вот утро — что как не битва между ночью и днем?

— Да ты, оказывается, поэт! — язвительно улыбнулся Риго.

Конан покраснел и сказал:

— Если ты кому-нибудь ляпнешь об этом, я сломаю тебе хребет.

* * *

Издали казалось, что Шахризабс по-прежнему стоит во всей своей славе. Голубые купола и снежно-белые верхушки башен сияли под солнечными лучами, и нестерпимо становилось человеческим глазам от этого великолепия. Горячий ветер доносил ароматы пряностей и чудесный, ни с чем не сравнимый запах свежих лепешек, а еще слышалось гадение базарной площади, крики зазывал, праздничные голоса карнава и зурны... Риго потряс головой, и наваждение исчезло, осталась только тишина.

— Почему стена разрушена? — спросил Конан.

— Город брали штурмом?

— Нет, ветер подточил ее, а землетрясение помогло упасть, — пояснил лорд-без-земли. — Многие дома рухнули, но в основном пострадали обычные горожане. У князя Расула не было денег на восстановление, и город погиб. Люди ушли отсюда. И все равно он прекрасен, как ты считаешь?

Варвар только пожал плечами.

Они лежали за небольшим холмом, в половине полета стрелы от центральных ворот. Прямо над аркой, на сторожевой вышке, неподвижно темнела фигура в струящихся одеждах.

Компаньоны успели осмотреть город кругом — часовые Нуурлака были расставлены по всему периметру степы. Там, где стена осталась, охраняли особенно тщательно.

— Здесь только один стражник, — молвил варвар. — Проникнем в город отсюда.

— Он же заметит нас!

— Если мы будем ползти очень медленно, то не заметит. У него, наверное, в глазах сплошное марево.

— Может, лучше дождемся ночи? — предложил Риго. — Ночью удобнее.

— Если удобнее нам, удобно будет и им, — возразил Конан. — К тому же здесь мы до вечера не выживем — сваримся. Скоро полдень, чилля в разгаре. А там — тень от стен. И колодцы. Воды-то я не взял.

— Как не взял?

— Мы должны очень хотеть попасть туда, — варвар ухмыльнулся. — Так что — вперед.

Он пополз первым, извиваясь, как ящерица. Выдержав небольшой интервал, следом двинулся и бритунец. Песок был уже довольно горячим, поэтому Риго шепотом бравился и шипел.

Когда до арки ворот осталось шагов двадцать, Конан прошептал:

— Я войду первым, а ты жди. Я отвлеку часового, тогда ты вскакивай

и беги в ворота со всех ног.

Конан прополз еще шагов пять, потом приподнялся и двумя кувырками достиг пространства под стеной, на котором его нельзя было увидеть с вышки. Почти сливааясь с белым песчаником кладки, он проник в ворота и бесшумно поднялся по каменной лестнице. Под наблюдательной вышкой находилась площадка для лучников. Варвар с удовлетворением отметил сквозь бойницу, что фигура Риго практически незаметна с этого расстояния.

Конан поднял с пола отколовшийся ноздреватый кусок камня, приблизился к перилам, огораживающим площадку с внутренней стороны, и уронил камень вниз. Тот с треском раскололся о гладкую плиту.

Риго увидел, как часовой обернулся.

— Пора! — сказал он себе и бросился к воротам. У самой арки бритуниец неловко споткнулся о песчаный бугорок и шумно рухнул. Подняв голову, он увидел глаза нукера, блестящие и влажные, увидел их невероятно близко перед собой, хотя стражник только подошел к бортику вышки и глядел вниз — между ними была высота локтей в двадцать, никак не меньше.

Лицо воина было скрыто, замотано куфией, только глаза горели, как черные агаты, и излучали торжество.

Но неожиданно глаза эти померкли, потухли. Нукар нелепо обмяк, перевесился через бортик и, раскинув руки, полетел на песок. Риго еле успел откатиться в сторону.

— У него в спине мой нож, — послышался голос варвара. — Достань его и иди сюда.

Бритуниец вытер лезвие о край одежды мертвеца и вошел под арку. Он ожидал, что компаньон упрекнет его в неловкости, но Конан ничего об этом не сказал.

— Вот мы и вошли, — произнес он. — Твоя очередь.

— Подожди, — попросил Риго и коснулся своей груди. — Я волнуюсь, — признался он. — Но не от страха. Я столько лет мечтал оказаться здесь... Это сильнее, чем обладание самой жемчужиной.

— Значит, мы можем возвращаться? — Конан недоумевающе посмотрел на своего спутника.

— Нет, — решительно сказал лорд-без-земли. — Ни в коем случае! Нам нужно идти прямо по этой улице, она называется «Меваларин», что в переводе означает — «Фруктовая». Улица выведет нас на площадь Юпус-Абад. На площади находится дом утеш и фонтан, представляющий собою гроздь каменных цветов — из них текла вода. Еще там есть... была башня

звездочетов. За ней начинается улица Урда, по ней мы выйдем на площадь Чиланзар и оттуда, по улице Гунча, доберемся до летнего дворца.

— Ты был здесь раньше? — недоверчиво спросил варвар.

— А как же! — Риго широко улыбнулся. — Наверное, тысячу раз. Мне это не доставляло хлопот, потому как все эти площади и улицы у меня здесь. — И он выразительно постучал пальцем себя по лбу.

Конан пропустил его вперед и повторил последний жест бритунийца, правда, уже со своим смыслом.

От некоторых домов, выходивших на Меваларин, остались только фасады. Полвека запустения превратили красивейший на земле город в призрак и напитали его воздух звенящей чистотой забвения. Но свежий верблюжий помет и следы кованых копыт в дорожной пыли выдавали присутствие жизни.

— Караван прошел здесь, — уверенно молвил Конан. Он продолжал двигаться бесшумно, положив руку па рукоять меча. Прищуренные глаза смотрели цепко. Риго шел впереди — восторг от увиденного распирал его.

— На соседней улице кто-то есть, — шепнул варвар.

Риго прислушался.

Северянин сделал страшное лицо и отпрыгнул, прижавшись спиной к шероховатой стене. Железной рукой он ухватил бритунийца за плечо и почти впечатал в стену рядом с собою.

Двоих нукеров вышли на Меваларин. Скорее всего, они направлялись сменить часовых на стенах. Заметив компаньонов, оба остановились и одинаковым жестом обнажили сабли, Дальнейшее увиделось Риго обрывком кошмарного сна. Воины, одетые в черное, приблизились, их сабли, производившие свист в воздухе, стали неразличимы глазу — жаркий солнечный свет на клинках превращал их в белых ослепительных змей, извивающихся в воздухе.

Конан выхватил меч и стоял теперь неподвижно — он смотрел не на пляшущие клинки, а на движения рук противников. Один из нукеров сделал шаг вперед, ни на миг не прерывая танца своей сабли. Второй встретился глазами с бритунийцем, и тому показалось, что под складками куфии шевельнулась презрительная усмешка.

Нукер слегка согнул ноги и мягким кошачьим движением переместился в сторону Риго. Лорд-без-земли столкнулся саблей с его клинком и сразу ощутил, как заныла кисть его руки от сильного удара. Следующий он не увидел, а почувствовал, и успел отклониться. Сабля нукера оставила на каменной стене глубокую борозду. С криком ярости Риго рубанул сверху, но коротким движением воин выбил оружие из руки

бритунийца.

В это самое мгновение, варвар, сохранявший полную неподвижность, неожиданно нанес своему противнику сокрушительный удар. Нукеру хватило быстроты парировать его, однако сабля не выстояла против меча, и перебитый клинок упал, звеня, на пыльную мостовую. Глаза нукера расширились, увидев смерть, а спустя миг его самого уже не было в живых.

Второй воин Нуурлака кружил, пытаясь достать Риго с разворота и сразу напасть на его спутника. Бритуниец, повинуясь инстинкту, присел. От жуткого свиста, с которым сабля вспорола воздух у него над головой, Риго даже зажмурился. Впрочем, его рука без помощи глаз сама нашупала рукоятку упавшей сабли. Распрямившись наподобие пружины, бритуниец сделал выпад, и почувствовав под клинком твердое, вскрикнул от неожиданности. Сабля вонзилась нукеру между ребрами с правой стороны, пройдя под его рукой. Воин пошатнулся, метнулся вбок — причем Риго снова выпустил рукоять; ударился о стену, развернулся и сполз наземь. Из горла его вырвался хрип, и все стихло. Конан внимательно осмотрел поверженных.

— Тебе ничего не бросается в глаза? — спросил он.

Риго вытер пот со лба и мотнул головой. Тогда варвар, наклонясь над убитыми, сорвал с обоих черные куфии.

— А теперь? — снова обратился он к бритунийцу. — Неужели не видишь?

— Они братья? — хриплым голосом предположил лорд-без-земли. Ему очень хотелось пить.

— Возможно.

И Конан присел на корточки, чтобы обшарить двух совершенно одинаковых мертвецов.

* * *

— Они появятся самое позднее на рассвете, — сказал варвар. — Отряд будет небольшой, им ведь нужно быстро обшарить все окрестности в поисках чужаков, поэтому они разделятся на группы, человек по пять в каждой.

Риго согласно кивнул. От досады и усталости его клонило в сон.

Подобраться к летнему дворцу они так и не сумели. На Урде их едва не

заметил патруль черных нукеров, и компаньоны вернулись на площадь Юнус-Абад. В развалинах дома утех соискатели жемчужины дождались сумерек и под их покровом покинули стены Шахризабса.

— Лучше встретить их на тропе, возле ограды сада, — продолжал Конан. — Это самых! удобный путь для них и самое удобное место для засады. Нападем первыми.

— Успеть бы выспаться, — пробормотал лорд-без-земли.

Конан положил в огонь охапку сухого камыша — тот затрещал, и костер вспыхнул с новой силой.

Риго лениво подумал, что варвар проявляет неосторожность, выдавая ярким огнем местоположение их лагеря, — в такую темную ночь костер заметен издалека. Потом он сообразил, что это особая воинская хитрость: Конан нарочно обнаруживает свое присутствие на берегу, чтобы враг знал, где их искать. В этом случае засада на тропе будет действительно неожиданной.

Бритуниец потянулся и зевнул. В этот момент по направлению из поселка к ним снова двинулись люди с факелами. Риго сообщил об этом Конану и с удивлением заметил выражение удовлетворения на лице своего товарища.

— Что им опять нужно? — вздохнул бритуниец.

— Сейчас узнаешь, — отозвался Конан.

Азамат, шедший впереди всех с факелом в руке, поклонился им. Оба компаньона поднялись и ответили тем же. Четверо пришедших с Азаматом были молоды, нервны и исполнены мрачной решимости.

— Не будем желать друг другу мира, ибо настало время войны, — проговорил староста. — Пойдемте с нами, чужаки с оружием. Будем говорить в доме, как уважающие себя люди.

— О чем? — поинтересовался северянин.

— К завтрашнему полудню в Джизак сойдутся люди из окрестных селений. Их будет больше трехсот. Они придут, чтобы ты повел их на Нуурлак-бека.

— Видишь, — Конан усмехнулся, обращаясь к Риго, — их все-таки проняло.

Сорок два человека из Джизака стояли перед домишком Дадабая. Это были люди, знавшие друг друга всю жизнь, — соседи, родственники, братья. Лучшая армия, какая возможна на свете. Увидев их гневные, пылающие глаза, Конан довольно рассмеялся.

— Стойте! — выкрикнул чернобородый декханин. Его лохмотья подпоясывал нарядный, почти новый кушак, и это придавало ему

уверенности в себе. — Стойте! Прежде мы должны решить, что делать с дочкой Дадабая!

— Верно! — поддержали его в толпе. — Правильно!

— Разве Дадабай не выкупил ее сегодня? — спросил Риго.

— Дадабаю сказали, что Зулия останется в заложницах, пока не выяснят, какое селенье прячет заговорщиков, — пояснил Азамат. — Кто-то убил трех нукеров Нуурлака. А кто-то другой донес ему, что в Джизаке видели пришельцев с оружием. Дадабаю велели выдать вас. Если он не сделает этого, Зулля умрет.

— Пусть умрет, — странным голосом произнес сам Дадабай. — Она будет последней, больше никто...

Он замолчал и уставился в землю.

— Что скажешь на это? — Конан толкнул бри-тунийца локтем. — Люди вспомнили, для чего живут, и теперь знают, за что будут погибать.

— Она не умрет! — громко сказал Риго. — Я пойду и заберу ее у Нуурлака.

— Я с тобой!

— И я!

— Я тоже! — послышались голоса, но бритуниец покачал головой.

— Все вы нужны здесь, — отрезал он. — Все до единого. Моему другу без вас не справиться. Вам придется сражаться уже через несколько часов. А я сражаться не буду. Проберусь как вор и похищу похищенное. Так что ваша доля более почтена.

Теперь уже Конан поглядел на своего компаньона с удивлением и кивнул.

* * *

Семеро нукеров проскакали друг за другом по тропе между холмами. Риго притаился за толстым стволом карагача и хорошо их разглядел. В черных силуэтах было что-то неестественное, мертвящее, и бритунцу вспомнилась недавняя кобра. Он снова испытал страх.

Отряд действительно невеликий, но справится ли его компаньон с семерыми разом? На помощь воодушевленных землепашцев вряд ли стоит рассчитывать всерьез.

Бритуниец уже не боролся с дремотой — кровь стучала у него в

висках, как если бы он перепил капы.

С холма стены Шахризабса были хорошо видны — на стенах горели костры, и в синеватом лунном отблеске город еще больше походил на призрак. Риго собрался с духом и пошел дальше.

Дорога была ему уже знакома. Меньше чем через час суглинок, поросший выгоревшей травой, сменился остывшим, тяжелым песком.

Часовой, сменивший убитого, был обеспокоен — тревога ощущалась в неподвижной, настороженной фигуре. Под вышкой, на стене костер освещал волнистый песок локтей на тридцать, а за чертой светового круга сразу начиналась мгла, и нукер ничего не разглядел бы там, даже обладая зрением совы. Риго прекрасно это понимал. Присев за барханом, бритунец сделал свои мысли ясными, заставил сердце стучать медленнее и даже улыбнулся. Потом он сложил кисти рук коробочкой, поднес их к губам и издал заунывный, протяжный звук.

Нукер на вышке даже подскочил. Риго укусил себя за рукав, чтобы не рассмеяться. Невозможно было представить себе, что черные воины без лиц, вернее — с одинаковыми лицами, замотанными куфией, нукеры-демоны, наводящие ужас на все живое, способны пугаться не хуже простых смертных.

— Повторим! — сказал себе бритунец, и вновь тоскливо завывание разнеслось в ночном воздухе.

Нукер прислушался, затем велел кому-то внизу пойти и посмотреть, в чем там дело. Риго догадался об этом по интонации, не разобрав слов.

Из арки появился другой воин — с саблей наголо он двигался не прямо на Риго, а чуть в сторону. Он был в сложной ситуации: на свету глаза его не могли привыкнуть к темноте, а заходить за освещенную территорию ему было жутко. Однако он все еще был опасен, очень опасен — даже в схватке один на один Риго оказался бы побежден.

— Что там? — крикнул часовой с вышки. — Видишь что-нибудь?

— Никого и ничего, — отвечал вышедший. Голоса у обоих напоминали крики птиц-трупоедов.

— Посмотри еще! — упорствовал первый. Второй издал змеиное шипение, но ослушаться, повидимому, не смел. Ему ничего не оставалось делать, кроме как двигаться в темноте, вслушиваясь в скрип песка под своими ногами.

Бритунец выжидал. Когда черная фигура оказалась перед ним, Риго бросил в сторону маленький камушек. Нукер молниеносно обернулся на звук падения, и тотчас бритунец рубанул его под затылок. Воин в черном не издал ни звука — голова его упала к ногам Риго, а тело повалилось

вперед.

Не мешкая, лорд-без-земли сорвал с обезглавленного тела черную накидку, испачканную кровью. Куфия, снятая с головы, тоже была в крови, но сейчас бритунец меньше всего боялся испачкаться. Он замотал куфией собственное лицо, одел накидку и вышел на свет, имитируя походку только что убитого им человека.

— Пусто! — крикнул он, подражая его же хрипло-визгливому голосу, и вошел под арку.

Под каменной лестницей, ведущей наверх, лежали подстилка, одеяло и медный чайник, полный холодной капы.

— Я хочу пить, принеси мне! — велел нукер сверху.

Риго звякнул чайником и понес его по лестнице. Четкого плана на этот случай у него не было, и лорд-без-земли полагался на вдохновение. Оно его не подвело.

Нукер на вышке не повернулся ему навстречу, только протянул руку, чтобы принять напи-ток. Риго замешкался было, но увидел пиалу, стоящую на небольшой табуретке. Он плеснул в нее капу и вложил пиалу в подставленную ладонь. А когда часовой поднес чашу к губам, бритуниец выхватил саблю. Зингарский клинок защуршал, освобождаясь от ножен. Часовой обернулся. Он проиграл долю мгновения — пиала в руке сковала его движения. Пока он отбросил ее, пока потянулся к своему оружию... Но пиала еще не успела разбиться, упав, а часовой был уже мертв.

«Интересно, долго ли мне будет сопутствовать удача?» — подумал Риго. Тут ему повезло еще раз — рядом с зарубленным лежал взвешенный арбалет, а подле находился колчан, наполненный короткими толстыми стрелами с массивными наконечниками.

— Это знак, что прогулка выйдет славной, — сказал себе лорд-без-земли.

* * *

Ни один из семерых не ушел.

Конан встретил их прямо посреди тропы. Нукеры сначала даже остановились от неожиданности, но вскоре трое из них отделились от основного отряда и с гиканьем пришпорили своих коней. Варвар спокойно сидел в седле и ждал. Обойти его с трех сторон противники не могли —

мешала садовая ограда. Двое взяли чуть правее, а третий продолжал скакать прямо на киммерийца, неистово размахивая саблей. Камень, вылетевший из-за ограды, ударил его в висок, и нукер не успел даже понять, что его убило. Те, что съехали с тропы, сразу оказались в западне — их лошади остановились, потому что земля там шла под уклон и осыпалась под копытами. Пятеро декхан, вооруженных вилами и лопатами, выскочили из овражка и бросились на врагов. Один из нападавших сразу погиб, рассеченный саблей до пояса, но убивший его нукер был пронзен вилами. Второй взвизгнул, поднял коня на дыбы и успел даже перерубить черенок лопаты, пока другая не раскроила ему череп.

Испустив страшный рев, Конан направил коня с места в галоп на оставшихся четверых. Тот, что был ближе к варвару, принял вызов, и их клинки встретились, разбросав искры. Нукер приподнялся в стременах и обрушил на северянина град ударов. Если бы Конан парировал их, полагаясь на зрение и реакцию, он неминуемо бы погиб.

Но инстинкт воина, не раз выручавший его, помог и сейчас. Клинок его меча всегда оказывался на пути сабельного лезвия. Когда черный нукер сбился с дыхания, варвар перехватил инициативу и без особого труда достал врага колющим ударом в грудь.

Его снова попытались окружить, и снова съехавший с тропы всадник попал в западню. Он отсек руку одному из молодых декхан, получил по спине тяжелым цепом, упал с коня и был пригвожден к земле зубцом бороны, насаженным на палку.

Последние двое пытались бежать, но двадцать человек уже встречали их сзади. Дождь камней полетел им в лицо. Воины Нуурлак-бека, непобедимые черные нукеры, свалились на землю и ползали по ней, потеряв оружие и крича от ужаса. В считанные мгновения от них осталось только месиво.

— Теперь мы пойдем в Шахризабс и перебьем остальных, — сказал Азамат, размахивая окровавленной лопатой.

— Не так быстро, храбрец, староста храбрецов, — усмехнулся Конан. — Сначала мы дождемся подмоги. Эта победа была легкой, но теперь враг будет настороже. Сейчас нужно переловить коней, иначе они вернутся в стойла без всадников, а нам лучше бы выиграть время.

Пока декхане пытались справиться с испуганными лошадьми, варвар рассмотрел убитых нукеров.

— Сколько близнецов может выродить женщина за один раз? — спросил он себя. — Ни за что не поверил бы, если бы сам не увидел...

Черные воины были пугающе похожи друг на друга, словно их лица

лепили с одной и той же гипсовой маски. Варвар погрузился в раздумья. Краем уха он услышал разговор двух парней, тянувших под уздцы вороного скакуна.

— Мне надоело самому тянуть плуг, — рассуждал один. — Пусть теперь на нас потрудится этот красавец. Ишь, бока какие гладкие!

— Дурень, это же конь воина! Неужели ты собрался пахать на нем? — возражал другой. — Он быстро оклеет. Лучше продать его, он дорого стоит. На выручку можно купить не одну, а несколько лошадок, не таких красивых, но куда более привычных к труду.

Конан поскреб затылок и тихо сказал:

— А ведь верно. Воином становится тот, кто не смог бы пахать.

* * *

Аль-Зафар медленно сходил с ума от злости.

Нуурлак выпивал второй кувшин вина, а вино было отравлено аль-Зафаром лично. Яд обладал ужасной силой и действовал мгновенно на всякое живое существо... кроме Нуурлака.

Нуурлак же пил, стараясь заглушить тревогу. может быть, яд сводил действие вина на нет — он не пьянел и продолжал задавать своему военачальнику неприятные вопросы.

— Как вышло, что лазутчики выбрались из города незамеченными? Сколько их было, если они смогли умертвить трех воинов? Что этим лазутчикам понадобилось в руинах Шахризабса?

— На последний вопрос ответить легко, — произнес аль-Зафар. — Скорее всего, это воры, которые надеялись поживиться твоей казнью. Нукеры не ожидали нападения, потому и погибли. Слишком много было легких удач. Клянусь, что в ближайшие сроки я возмешу потери.

— Хорошо бы набрать побольше головорезов, — мечтательно сказал Нуурлак. — Будь у меня сотня воинов, я давно бы правил Тураном.

«Если бы я мог обеспечить себе сотню бойцов, то обошелся бы без тебя», — подумал аль-Зафар, а вслух отвечал:

— Нелегко заполучить стоящего воина. Его нужно обучить, добиться от него собачьей преданности, лишить личных амбиций. Мы не можем взять первого попавшегося добровольца. По миру гуляет слишком много «свободных мечей», но это подонки, не признающие дисциплины. Одни

слишком алчны и способны на предательство, другие мнят себя рыцарями, с ними морока — обо всем имеют личное мнение. Нам нужны другие. Нужны серые, уязвленные собственной слабостью людишки. Нужны пустые и жалкие. Обучи такого десятку сабельных ударов, наполни его пустоту своей волей и подогрей в нем давнюю обиду на весь род людской — вот тогда выйдет черный нукер, непобедимый воин без уязвимого сердца и шаткого рассудка.

Нуурлак сам плеснул себе еще вина и осушил кубок.

— Меня мучает жажда, — пробурчал он. Аль-Зафар прикусил губу.

Нуурлак обладал ярлыком на княжение и некоторой суммой в банках Султанапура. Он был полезен аль-Зафару первое время — потому что превращал предводителя разбойников в княжеского воеводу.

Но аль-Зафар слишком поздно понял, что связался с больным на голову мясником, дуреющим от крови. Вместо того чтобы укрепить княжество, Нуурлак занимался бессмысленным обдиранием декхан и еженедельно услаждал свой взор зреющим пытком и казнью.

Аль-Зафару было тесно. Ему хотелось громкой славы, блестящих походов, завоеванных крепостей... В этом случае он, конечно, собрал бы большую армию, а нукеров оставил в качестве личной охраны. Но Нуурлак только рассуждал о своем желании править Туроном и ничего не предпринимал для этого.

Несколько дней назад князек сам пригласил свою судьбу, поведав аль-Зафару слова султана. И воевода решил убрать глупца с княжеского трона. После этого, при помощи некоторых поблажек, он заставит местных жителей признать его хакимом. А уж потом...

Но проклятый Нуурлак пьет и пьет отраву. Придется, скорее всего, зарезать его...

* * *

Увидев в дверном проеме фигуру, закутанную в черное, Зулия заплакала.

— Меня уже били по пяткам сегодня, теперь только послезавтра... — забормотала она, отползая в угол. Услышав это, нукер схватился за грудь, пошатнулся, а потом сделал то, чего никогда бы не сделал настоящий нукер, — раскрыл свое лицо. Зулия так изумилась, что перестала плакать.

Вошедший был светловолос, бледнокож и сероглаз. Глотнув воздуха, он заговорил с заметным акцентом:

— Я от твоего отца. Нам нужно бежать.

— Мне не встать на ноги, — сказала Зулия. — Все равно бежать некуда. Нас догонят или мы умрем в песках.

Светловолосый подошел к ней и сел рядом на пол.

— Я Риго, — назвался он. — Я из другой страны. Я помогу тебе, поверь. Все будет теперь по-другому.

— Разве Нуурлак больше не властен над нами? Разве ты — могучий воин, и у тебя есть свои нукеры? Уходи и оставь меня. Я уже привыкла ждать смерти.

Бритуниец нерешительным движением коснулся ее головы. Он хотел погладить ей волосы, но ему стало неловко.

— Я вовсе не могучий воин, — признался он. — И вообще, я пришел сюда за чужим сокровищем. Но уйти и оставить тебя я не могу. Мы выберемся. Ты совсем не можешь встать? Зулия покачала головой.

Риго поднялся и посмотрел в окно. Со двора доносились возбужденные голоса. Уловив несколько слов, он нахмурился, снял с плеча арбалет и снова приблизился к девушке, простертой на камышовой подстилке.

— Значит, мы встретим смерть вместе, — сказал он и добавил нечто, Зулие не понятное. В переводе на туранский это звучало бы так: «Скорее всего, Копан опаздывает. До полудня далеко. Я считай что погиб, Но все равно умереть рядом с красивой девушкой лучше, чем в доме призрения».

С этим он сел на пол, взвел арбалет, нащупал руку Зулии своей рукой и нежно сжал ее.

* * *

Вышло так, что штурм руин начался задолго до полудня. Рассвет еще не вспыхнул над кромкой горизонта, когда подозрительное зарево поднялось в небе с другой стороны. Оно было тревожным, переливалось всеми оттенками красного, и еще к нему примешивались черные столбы дыма.

— Горит селение Кибрай, — сказал Азамат. — Там живет семья моего брата.

Декхане сидели кругом большого кострища. Полусъеденная баранья туши на вертеле роняла в угли капли кипящего жира. Джизакцы поймали и зарезали трех баранов, и по небольшому куску жареного мяса досталось каждому жителю селения.

— Если б у нас был рис, — чернобородый выразительно чмокнул, — я приготовил бы пилав, да такой вкусный, какого вы не едали никогда. Меня зовут Тюрек. Когда-то моей единственной работой была резка моркови для пилава. Меня приглашали на свадьбы, на уразу, на поминки во все окрестные селения. Я надевал свой дорогой кушак, брал свои ножи, очень острые, и шел делать людям праздник.

— Что же ты, Тюрек, не взял свои ножи резать нукеров? — со смехом спросил худой, рябой парень. — Что же ты дрался тяпкой-тешой? Отвык от ножа?

Глаза Тюрека вспыхнули желтым огнем.

— Мои ножи остры для того, чтобы люди вкусно ели, — проговорил он. — Я не буду пачкать их убийством. Иначе потом я не смогу резать ими морковь.

Один из декхан собрался отхватить себе добавки, но Конан остановил его.

— Сытый человек — хороший человек, — молвил варвар. — Сытому кажется, что он уже достиг всего. Ты успеешь поесть вволю, но не теперь.

— А если меня убьют? — предположил декханин. — Тогда я никогда не прощу себе, что отказался от добавки!

— Когда ты умрешь, тебя будут кормить прекрасные гурии, — вставил Азамат. — Там будет и мяса, и долма, и пилав, и вкусные лепешки...

Конан поднял руку, приказывая всем замолчать. Удивленные, все поглядывали друг на друга и пожимали плечами, пока не услышали гудящего приближающегося топота.

— Люди. Много людей — они бегут сюда, — сказал Азамат.

Конан встал.

— Это ваши братья пришли помочь вам, — громко произнес он. — Встречайте их!

Долина наполнилась людьми, и все они, изможденные, голодные, одетые в лохмотья, были готовы сражаться.

— Селенье Джам — пятьдесят!

— Селенье Урас — десять!

— Селенье Кукча — двадцать! — кричали они наперебой и все прибывали, прибывали...

— Всего — триста пятьдесят три человека, — подвел итог Азамат. —

Хватит этого?

— Пора выходить. — Северянин вскочил на коня и потряс в воздухе мечом.

* * *

— Выпей со мною, — произнес Нуурлак и протянул собеседнику наполненный кубок. — Мне скучно пить одному.

— Не хочу, — отвечал аль-Зафар. Нуурлак посмотрел ему в глаза и усмехнулся.

— Тебя, друг мой, угнетают тяжелые мысли, — продолжал он, показывая клык. — Вино — лучший лекарь от такой напасти. Я ведь хорошо знаю, что это такое. А вино хорошее, из Аквилонии. Знал ли глупый аквилонский декханин, растя виноград, куда попадет его детище? Пей, и тебе станет легче.

Аль-Зафар не слушал его слов. Он, как заколдованный, смотрел на искривленные клыки Нуурлак-бека. А тот вдруг надвинулся на воеводу, стал огромным и тяжелым, как средоточие чудовищной нечеловеческой силы.

— Пей, сын гиены! — загремел его голос. — Пей, или я вобью этот кубок тебе в глотку!

Аль-Зафар отскочил в сторону, сабля словно сама прыгнула ему в руку. Нуурлак расхохотался, и от его хохота кувшин, стоявший на столе, вдруг разлетелся в мелкие дребезги. Нуурлак преобразился окончательно — клыкастая его пасть вытянулась, лоб уполз назад, и вся голова мгновенно обросла зеленоватой, крупной чешуей. Раздирая на спине парчовый халат, показался шипастый гребень, растопыренные пальцы на руках обернулись черными когтями.

— Глупец, сын глупца! — грохотало чудовище.

— Кого ты задумал извести своей грошовой отравой? Перед кем ты машешь саблей? Ничтожество! Ты — только прах, вышел из праха и уйдешь в него, очень скоро!

Аль-Зафар выхватил из рукава бурнуса маленькую коробочку, открыл ее ногтем и высыпал содержимое — маленькие зеленоватые горошины — прямо перед собою. Горошины, стуча и подпрыгивая, вдруг поднялись над полом и завертелись смерчом.

— Ии-ир-ага! — вскричал аль-Зафар и выбросил правую руку, указывая на Нуурлака. С невероятной скоростью горошины полетели в сторону адского создания, оставляя в воздухе струйки дыма.

Те, что облетели Нуурлака стороной, попали в стену и пробили ее насеквоздь, оставив в толстом камне маленькие отверстия. Остальные отскочили назад, столкнувшись с неведомой преградой. Одна из них оцарапала аль-Зафару мочку уха, вторая пронзила левое плечо, а третья застряла в правой ноге под коленом.

— Где ты купил это барахло? — издеваясь, вопросило чудовище. — В лавке алхимика в Султанапуре? Они все — страшные жулики.

От ярости и болезненного унижения аль-Зафар зарычал. Преображеный Нуурлак засмеялся еще громче — потолок, украшенный алебастровой резьбой, весь пошел трещинами.

— Твои хваленные нукеры — тоже алхимический продукт, не так ли? Ты пичкаешь их снадобьем, от которого они двигаются быстрее мух и становятся похожи друг на дружку, как мушиные погадки... Как смешно наблюдать, когда смертные, и без того убогие, принимаются извращать свою жалкую природу!

Нукер, выросший на пороге, осталбенел.

— Чего тебе? — рявкнул Нуурлак. Воин повалился на колени.

— О великий господин, — выдавил он трясущимся голосом, — грязные собаки-декхане идут на штурм. С ними чужак на коне. Посланые в Джизак не вернулись.

— Доигрался! — воскликнул аль-Зафар. — Этого ты хотел?

— Ты еще и трус! — Чудовище искривило морду в презрительной усмешке. — Иди и сражайся с мужицем. Мне весело глядеть, как люди убивают людей. Но прежде приведите ко мне заложницу из Джизака. Ее мучения тоже позабавят меня.

* * *

— Там, на стене, стоит десяток лучников, — заговорил варвар, поднимаясь на стременах. Его звучный голос достигал ушей всякого, кто пришел к руинам Шахризабса. — У ног каждого лучника — большая корзина со стрелами. Стрел — по двести на корзину. И прежде чем мы добежим до ворот, нукеры успеют выпустить их все. Я говорю это, чтобы

вы знали: в город войдут не сотни, а десятки.

Над декханской толпой пронесся ропот волнения и сразу стих.

— Ваша сила в том, что вы — родная кровь и выросли на одной земле. Если каждый будет собою прикрывать каждого, погибнет меньше народа.

— Но ведь в кучу стрелять легче, — высказался Тюрек.

— Если мы рассеемся, то не успеем сбраться у ворот. Нас будут убивать по одиночке, — возразил Азамат. — Надо навалиться всей массой, и мы их сомнем.

— Все ли готовы? — спросил Конам. Восходящее солнце озаряло его лицо. — Вперед! И он пришпорил коня.

Стрелы посыпались, и только когда первые убитые рухнули на песок, войско декхан подтянулось и двинулось по-настоящему. Они бежали молча, только вскрикивали раненые рі умирающие испускали хрип. Одна из стрел вонзилась Конану в плечо, и варвар яростно заскрежетал зубами.

Когда атакующие подошли совсем близко, рябой юноша, бежавший рядом с лошадью северянина, с криком метнул остро отточенный серп. Он блеснул на солнце, и один из лучников завизжал и рухнул со стены.

Не останавливаясь, декхане принялись бросать камни и палки. Стрелы теперь летели реже — нукеры пришли в замешательство.

Пятеро воинов, стоявших в арке, дрались неистово и убили многих, прежде чем их размазали по земле. Двое, чуть поодаль, выстрелили из арбалетов, и копь под варварам пал, кувыркнувшись через голову. Конан успел освободить ноги из стремян и соскользнуть со спины животного. Меч описывал над его головой пламенные круги.

Нукеры не могли предположит:» в массивной, тяжелой фигуре северянина столько ловкости и быстроты.

Извернувшись, словно в танце, Конан рассек голову одному из них. Второй успел скользнуть задеть варвара по спине, но длинный широкий меч уже погружался в его живот.

— Ха-аа-яй! — кричал Азамат. — Мы пришли! Веди нас дальше, чужак!

И остатки декханского воинства, поднимая белую пыль, двинулись к летнему дворцу.

Аль-Зафар заметил их издали. Хромая и ругаясь, он метался по галерее. Из нижних комнат доносился неистовый хохот Нуурлака, от которого содрогались стены полуразрушенного дворца.

— Мало того, что он — чудовище, — шипел аль-Зафар, — он еще и полоумный.

Судя по всему, нукеры были истреблены. Не вернулся даже посланный

за пленницей. Пора было позаботиться о собственной безопасности.

— Да, у нас же есть заложница! — вспомнил воевода и, припадая на раненую ногу, устремился вниз по лестнице, в бывшую спальню Ферузы, любимой жены первого владыки Шахризабса.

У входа в опочивальню лежал нукер с арбалетной стрелой во лбу. Аль-Зафар остановился.

Из-за пояса он вынул футлярчик, извлек из него небольшой шарик, скатанный из серебряной бумаги. Подбросив его на ладони, воевода прошептал:

— Капатак! Рипур! — и кинул шарик через порог.

От внезапной вспышки Риго ослеп на мгновение. Стрела, выпущенная из арбалета, пробила штукатурку стены, не причинив аль-Зафару никакого вреда. Бритуниец вскочил на ноги, протирая глаза.

— Мне нужна пленница, — сказал аль-Зафар. Бритуниец молча рассматривал вошедшего.

Если бы не жесткая складка у губ и не холодное выражение глаз, аль-Зафара можно было даже назвать красивым — он был статен и обладал породистыми чертами лица.

— Это твой сообщник верховодит бунтовщиками? — спросил воевода.

— Плохи ваши дела, — ухмыльнулся Риго.

— Сейчас я убью тебя, а Зулия послужит мне живым щитом, — произнес аль-Зафар. — Меня не тронут, пока она в моих руках.

— Сначала возьми ее, — Риго обнажил клинок. Зулия, забившаяся в угол, смотрела на бритунийца расширенными глазами.

Аль-Зафар был ранен, поэтому схватка вышла на равных. Воеводе нукеров тяжело было двигаться, и бритунийцу удавалось уворачиваться от его ударов. Но даже при этом Риго получил тяжелую рану в бедро и глубокий порез на груди.

— Очень скоро ты изойдешь кровью, — объявил аль-Зафар. — Смотри, твоя сабля стала тяжелой!..

С этими словами он молниеносно выбил оружие из руки Риго. Бритуниец отступил на шаг.

— Я не буду гоняться за тобой. — Аль-Зафар отбросил свой клинок. — Ты умрешь там, где стоишь, а я не сделаю ни шага.

И он медленно потянулся к метательному ножу, висевшему на поясе. Риго повторил его движение и уже коснулся было пальцами рукоятки, но замер. Он смотрел аль-Зафару и глаза.

Время остановило свое движение, и весь мир для бритунийца померк — оставалось только надменное лицо разбойника, его обжигающий взгляд,

и больше ничего.

Неожиданно глаза разбойника сузились, он метнул взор в сторону от Риго, а рука его выхватила нож. Сразу после этого аль-Зафар покачнулся, выронил оружие, испустил вопль и рухнул. Своим ножом бритуниец пронзил ему сердце.

— Вот и все, — сказал он Зулие. — Видишь, я защитил тебя.

* * *

Нуурлак стоял, опираясь спиной о колонну. Прямо над его головой застыла в танце каменная Феруза.

Чудовище ухмылялось и поигрывало страшной булавой. Ступени перед ним были усеяны трупами.

— Сколько вас еще осталось? — проревел Нуурлак. — Сотня? Полторы сотни? Дзе-дзе, я убью вас всех.

Декхане перед ступенями крепче стиснули свое оружие, но идти вперед не решались. Конан поднялся и вытер кровь с лица.

— Я знаю, кто ты, — сказал он. — Ты — изгнанный дэв по имени Зулаксар. Пора оборвать твоих земной путь.

— Он был длинным, — ухмыльнулся дэв. — Очень длинным. Что ж, ты знаешь про меня, а я знаю про тебя. Эй, грязногие! Вы полагаете, что смелый чужеземец пришел освободить вас? Плевать он на вас хотел, как плюю я. Ему нужна

Жемчужина Песков. А вы лишь помогли ему расчистить к ней дорогу.

— Это правда! — отвечал варвар. — Я пришел за жемчужиной, и я знаю, где она лежит. В нескольких шагах от тебя!

— Скажи мне! — От громкого голоса Зулаксара поднялся сквозняк и пронесся, обдирая штукатурку со стен домов. — Скажи мне, и я заберу ее. Тогда мне позволят вернуться. Мне надоело жить среди смертных насекомых! Молчишь? Все еще надеешься заполучить ее?

— Вовсе нет. — Конан скрестил на груди окровавленные руки. — Я думаю, будет несправедливо дать тебе уйти после стольких бед, которые ты причинил.

Дэв щелкнул когтями, и вдруг один из декхан, стоявших рядом с варваром, взлетел в воздух и со страшной высоты рухнул на плиты мостовой.

— Скажешь? — спросил Зулаксар. — Нет?

— Твоя взяла. — Конан опустил глаза. — Жемчужина замурована в одной из этих колонн. Все это время она была здесь.

— В этой? Или в этой? — рявкнуло чудовище, и две колонны, на которые он указал, рассыпались в пыль.

— Очевидно, что нет, — сухо ответил северянин. — Я не знаю точно, в какой.

Дэв затрясся, и вокруг поднялся грохот. Колонны по одной стали взрываться, осыпая все вокруг каменной крошкой. Когда распалась двенадцатая, Зулаксар испустил ликующий крик.

— Вот она! — возопил он. — Я прощен! Я прощен!

Конан молчал. Пораженные красотой огромной жемчужины, блестящей в лапах мерзкого создания, повстанцы опустили свои лопаты и дубины.

— Я не зря ждал, — произнес Зулаксар. — Мне казалось, что какой-нибудь охотник за кладами придет и укажет мне, где ее искать. Так и случилось. Дэвам дано заглядывать в будущее.

— Ты серьезно? — насмешливо спросил Конан. — Тогда посмотри наверх.

Зулаксар задрал чешуйчатую морду и открыл пасть от изумления. Закричать он уже не успел.

Многотонный портик и часть крыши обрушились на него. Оставшихся колонн не хватило, чтобы выдержать их тяжесть. Удар был так силен, что двухэтажный дом, стоявший через площадь, рассыпался на кирпичи.

Когда пыль улеглась, все увидели когтистую лапу, торчавшую из завала. Лапа сжимала Жемчужину Песков, блестящую в полуденном солнце...

Потом лапа обмякла, разжалась, и, словно тяжелый черный мяч, жемчужина скатилась к ногам Конана.

* * *

Стоял прохладный вечер, когда варвар собрался в путь. Во дворе Дадабая Тюрек сосредоточенно резал морковь для свадебного пилава.

Он ни на что не обращал внимания и был совершенно счастлив.

Риго, все еще слабый, но уже стоящий на ногах, вышел проводить

северянина.

— Жемчужина твоя по праву, — сказал он. — Забирай ее.

— А как же ты? — спросил варвар.

— Свое сокровище я уже нашел, — улыбнулся бритунец. — Посмотри на меня, я больше не лорд-без-земли. Теперь я хаким этих мест, владетель Шахризабса. У меня есть невеста и куча денег — вся казна Нуурлака. Я отстрою город, починю водопровод, помогу декханам наладить хозяйство. Сюда вернутся люди, чтобы жить и работать. Через десять лет ты найдешь здесь настоящую Жемчужину Песков — богатый, щедрый край и прекрасный Шахризабс — неповторимый, великолепный...

— У бритунийцев так часто бывает, — заметил Конан. — Не живется им в Бритунии. Они влюбляются в отдаленные чужие земли и не могут дышать без них. А мне тяжело на одном месте. Но через десять лет я непременно заеду к тебе в гости.

Варвар уселся верхом на верблюда и рысью тронулся в путь, не оборачиваясь. Закатное солнце освещало его дорогу. Риго хотел окликнуть его и помахать на прощание рукой, но он промолчал.